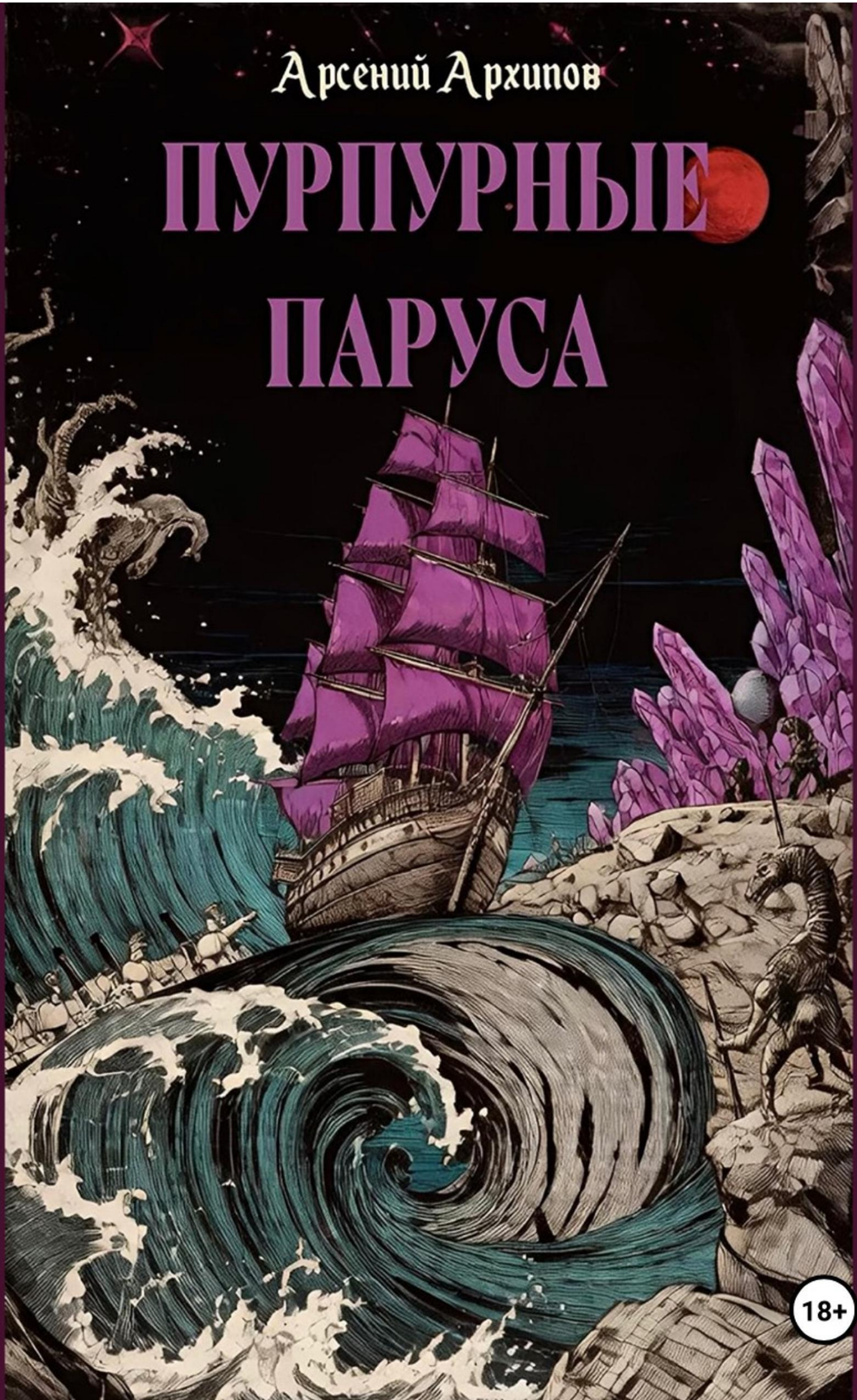
Арсений Архипов

ПУРПУРНЫЕ ПАРУСА



18+

Симфония Этерии

Арсений Архипов

Пурпурные Паруса

«Автор»
2026

Архипов А.

Пурпурные Паруса / А. Архипов — «Автор», 2026 — (Симфония Этерии)

Капитан Азариэль «Заря» аль-Марик и его «Морская Фурия» — лучшие в Нэкросе. Но вместо славы они получают «почетную ссылку» на дальние рубежи. А затем шторм, которого не бывает, выбрасывает их под чужое красное солнце.Здесь нет привычных звезд, а фиолетовые кристаллы в земле пульсируют болью древней катастрофы. Азариэль сталкивается с цивилизацией ящеров, ведущих войну с чудовищами. У него был выбор: начать войну за ресурсы или попытаться договориться. Он выбрал второе — и стал предателем в глазах своей родины.Отрезанный от дома, без поддержки, он ищет союзников там, где их не должно быть.Это шестая летопись из Храма Памяти, написанная Теодором. Морское приключение о первом контакте, колонизации и о том, как трудно остаться человеком, когда мир вокруг перестает быть прежним.

© Архипов А., 2026
© Автор, 2026

Арсений Архипов
Пурпурные Паруса

Предисловие

Вам, наверное, кажется, что я пишу о войнах. О битвах, где сталкиваются армии, о падениях королевств и рождении империй. Вы правы — я писал об этом. В «Симфонии Пепла, Стали и Хаоса» я рассказал о шестерых, что прошли сквозь ад Золомара и остановили возвращение Хаоса. В книге, которую вы держите сейчас, я расскажу о другом.

Я расскажу о море.

Не о том, что плещется у причалов Мореграда или разбивается о скалы Хеймгарда. О море, которое становится чем-то иным, когда за горизонтом нет знакомых звёзд. О море, которое помнит древнюю боль и шепчет её на языке, понятном лишь тем, кто умеет слушать.

Эта история началась там же, где обычно заканчиваются все героические саги — после победы. Когда враг повержен, а знамёна подняты, наступает самая трудная часть: жить дальше. Идти по следам, которые оставили твои решения. Смотреть в глаза тем, кто не вернулся, и тем, кто вернулся другим.

Капитан Азариэль «Заря» аль-Марик хотел быть героем. Он хотел, чтобы его имя гремело в залах Советов, а его дела вдохновляли моряков. Он получил это — и понял, что слава не согревает. Потому что слава — это то, что дают другие. А то, что греет — остаётся, когда славы больше нет. Долг. Доверие. И выбор, который ты делаешь каждый день, даже когда никто не смотрит.

Я не был с ними тогда на «Морской Фурии». Я не видел, как разверзается Разлом и как падают фиолетовые кристаллы, пульсирующие болью забытых эпох. Я не слышал песнь гнолов, которая скребётся в костях, и не касался рукой шрама, оставленного на теле мира в те времена, когда боги ещё ходили по земле и платили за свои ошибки кровью.

Но я говорил с теми, кто там был. Я сидел в портовых тавернах, слушая хриплые голоса, и записывал каждое слово, потому что знал: эта история тоже часть нашей общей летописи. История о том, как люди, которые должны были быть завоевателями, стали защитниками. Как они смотрели в глаза тем, кого боялись, и увидели в них не врагов, а соседей по общей беде. Как они поняли, что единственный способ выжить — не отгородиться от мира, а впустить его в себя.

В этой книге нет великих сражений, на которые стоит смотреть с холма. В ней есть битва — тихая, повседневная, за каждый глоток воздуха и каждую искру надежды. Это битва не за земли и ресурсы, а за право называться людьми в мире, который перестал быть человечным.

Изабелла, моя Изабелла, всегда говорила: «Правда — это то, от чего нельзя отвернуться». Я вспоминаю эти слова, когда перечитываю заметки, оставленные мне в ту ночь, когда «Ветер Судьбы» уходил в Разлом. Капитан Азариэль, Барак, учёный Элиас, урсарка Лира — у каждого из них была своя правда. И каждый из них заплатил за неё свою цену.

Но есть в этой истории одна правда, которая перекрывает все остальные. Та, которую я узнал от молчаливой кенеритки с пепельной кожей и глазами, полными воспоминаний. Она называет себя Проводником, но я думаю, она больше, чем проводник. Она — мост. Между мирами, между временами, между тем, что мы потеряли, и тем, что ещё можем сохранить.

Зори.

Я пишу это имя в своей летописи, и перо не дрожит. Потому что она — одна из тех, кто напоминает мне, зачем я всё это делаю. Не для славы, не для признания. Для того, чтобы правда не умирала вместе с теми, кто её знал.

Эта книга — о плавании на край света. О людях, которые не побоялись заглянуть в лицо древнему ужасу и сказать: «Мы останемся». О том, как страх превращается в решимость, а решимость — в надежду. И о том, что даже у отрезанного куска мира есть сердце, которое бьётся в унисон с нашим.

Я — Теодор, бывший инквизитор, хранитель Храма Памяти. Я обещал хранить правду. И я храню её — для вас, для себя, для тех, кто никогда не вернётся.

Теодор, бывший инквизитор, хранитель Памяти.

Год 1252 от Великого Исхода.

Пролог

Он помнил, как его спустили на воду.

Тогда, десять зим назад, его киль коснулся воды Жемчужной Гавани, и он впервые почувствовал соленые брызги на своих еще пахнущих свежей смолой и темироновым деревом боках. Он был гордым «Волногрызом», квинтэссенцией нэкросского духа: быстрым, яростным, непокорным. Ему дали имя — «Морская Фурия». И он носил его с достоинством.

Он помнил вкус ветра в своих парусах — сперва белых, как крылья чайки, потом, после первой крупной победы, перешитых в пурпур, цвет крови и королевской власти. Он помнил грохот своих «Громовержцев», разрывающих борта шумерских работорговцев, и ликующие крики своей команды, когда оковы падали на окровавленные палубы. Он помнил запах жареной рыбы, который повар Громобрюхый готовил по вечерам, и грубые, задушевные песни, что пели матросы, свернув паруса под сенью Медвежьих звезд.

Он был больше, чем корабль. Он был домом. Он был символом.

А теперь он был слеп, изувечен и потерян.

Его грот-мачта, та самая, что годами гордо несла его пурпурное знамя, была сломана, как тростинка. Бизань валялась за борт, опутанная снастями, словно паутиной. Его корпус, некогда отполированный до зеркального блеска, был исполосован глубокими ранами, из которых сочилась горькая соленая вода. Его паруса, его гордость, висели мокрыми, тяжелыми тряпками.

И самое ужасное — он не видел звезд.

Он всегда чувствовал их. Даже в самые густые туманы он слышал их тихую, серебряную песню, ведущую его домой. Звезды были его компасом, его старыми друзьями.

Теперь над ним висела только сплошная, бархатно-черная пелена. Ни проблеска, ни намека на знакомые созвездия. Лишь зловещее, фосфоресцирующее марево, что плясало на горизонте, откуда пришел тот шторм.

Не шторм. Это было не природное явление. Это было дыхание самого безумия. Вода вздымалась стенами высотой с утесы Хеймгарда, ветер выл голосами тысяч проклятых душ, а в грохоте грома слышался шепот — древний, холодный и полный ненависти. Это был шепот самой Бездны.

Именно этот шепот вырвал у него душу. Он чувствовал, как магия, та самая, что скрепляла его прочные доски и помогала резать волны, исказилась, превратилась в нечто липкое и чужеродное. Это было похоже на яд, медленно ползущий по его жилам.

Теперь он лежал, выброшенный на неизвестный берег, как умирающий кит. Песок под его килем был чужим, черным и крупным, словно дробь. Воздух был густым и влажным, пахнущим гниющими фруктами, незнакомыми цветами и чем-то металлическим.

Он слышал голоса. Голоса своей команды. Приглушенные, уставшие. Своего капитана, Азариэля. Его голос, обычно звонкий и уверенный, теперь был хриплым от усталости, но в нем все еще горел огонь.

«...всех на берег! Проверить, нет ли течи в трюмах! Барак, возьми людей, собери что сможешь из припасов...»

Он слышал тяжелые шаги по своей палубе. Это была Лира, урсарка. Ее тяжелая поступь была ему привычна и приятна, как биение надежного сердца. А вот легкие, нервные шаги — это Элиас, картограф. Ученый. Тот, кто всегда знал дорогу. Теперь и он был в замешательстве.

«Капитан... я... я не знаю, где мы. Звезды... их нет. Компас... он просто крутится...»

«Соберись, ученый, — это был голос Барака, старого штурмана. — Карты подождут. Сначала — выжить».

Выжить, — эхом отозвалась мысль в дубе «Морской Фурии».

Он чувствовал, как его капитан кладет руку на его израненный борт. Ладонь была теплой.

«Держись, старина, — тихо прошептал Азариэль. — Мы починим тебя. Мы найдем дорогу домой».

«Морская Фурия» хотел бы ответить. Хотел бы дрогнуть от напряжения и сорваться с этого проклятого берега обратно в объятия знакомых течений. Но он мог лишь лежать и слушать.

Слушать шепот чужеземного леса, что подступал к самому берегу. Шепот, в котором не было ничего от убаюкивающего гула Блаженных Лесов или сурового напева сосен Вейльгарда. Этот шепот был полон шипения, щелчков и безжалостного, хищного любопытства.

И высоко в бархатной тьме, там, где должны были быть звезды, ему почудился другой звук. Далекий, едва уловимый. Не ветер и не гром. Словно скрежет огромных каменных крыльев о саму ткань небес.

Он не знал, что это. Но он знал одно: они были не одни. И те, кто здесь обитал, уже знали о пришельцах.

Глава 1: Живой груз

Несколько месяцев ранее…

Ветер дул ровно и властно, словно сам Раннальд, положил свою горячую ладонь на спину «Морской Фурии» и подталкивал её вперёд. Паруса из плотной пурпурной ткани, пропитанной воском и солью, стояли тугими, как барабанные перепонки, и от каждого порыва по кораблю пробегал тонкий, певучий гул — будто струны невидимой арфы. Море расстилалось под килем бесконечным сапфировым полотном, исчерченным белыми барашками волн, и в этом безбрежном просторе «Фурия» казалась не более чем щепкой, но щепкой гордой, знающей своё направление.

Капитан Азариэль «Заря» аль-Марик стоял на шканцах, широко расставив ноги, чтобы привычно ловить качку. Он впитывал солёный воздух полной грудью, чувствуя, как кристаллики соли оседают на губах и веках, как ветер треплет его длинные, стянутые кожаным шнурком волосы, выбивая из них влажные пряди. Глаза цвета тёмного мёда были прищурены против слепящего солнца, но за этой внешней безмятежностью скрывалась привычная настороженность хищника. Двадцать дней однообразного плавания по скучным торговым путям, где лишь изредка попадались рыбацкие лодки, истомляли команду, но не его. Азариэль знал: терпение — это та же натянутая тетива, и чем дольше она натянута, тем сокрушительнее будет удар.

С мачты-вороньего гнезда донёсся сначала хриплый кашель, а затем сорвавшийся в визг от возбуждения голос юнги:

— Вижу! Три мачты, косые паруса! Шумерец, клянусь Морем! Идёт под острым углом к ветру, пытается уйти!

По палубе пробежал низкий, жадный гул — как рычание стаи, учуявшей добычу. Люди, ещё минуту назад лениво перебирающие снасти или жующие сушёную рыбу, мгновенно преобразились. В их глазах зажглась та самая искра, ради которой они выходили в море, ради которой терпели однообразные вахты и скверную пищу.

Азариэль не повернул головы. Он видел точку на горизонте ещё до того, как юнга издал свой первый вопль, — чутьём, которое вырабатывается годами, когда каждый мускул корабля становится продолжением твоего тела, а каждый оттенок неба читается как открытая книга. Но он не стал перебивать мальчишку; пусть радуется, пусть чувствует себя причастным. Это питает верность

— Подтверждаю, капитан, — сиплый голос старого Барака прозвучал совсем рядом. Штурман, сутулый мужчина с лицом, изрезанным морщинами глубже, чем любые навигационные карты, поднёс к глазам подзорную трубу — драгоценность, сработанную овнами из латуни и полированного обсидиана, стоившую целого состояния. Барак долго возился с фокусировкой, шевеля сухими губами, затем выдохнул: — Галера «Сокол Пустыни». Опознавательный флаг — три зелёных полумесяца. Груз… живой. — Последнее слово он произнёс с такой ледяной брезгливостью, будто речь шла о чумной падали, выброшенной на берег.

Азариэль наконец обернулся. Солнце осветило его смуглое, обветренное лицо, усеянное мелкими морщинками — картой, которую ветер вырезал на коже за годы странствий. Он был молод, едва перешагнул за двадцать пять, но во взгляде уже чувствовалась та стальная твёрдость, что оттачивается в десятках стычек, в ночах, проведённых в мокрой одежде под проливным дождём, в моментах, когда надо было решать: жизнь или смерть. Холодная улыбка тронула его губы — не злая, но уверенная.

— Господа, — его голос, звенящий и властный, резал воздух, как хорошо заточенный ятаган. — Вы слышали штурмана. Перед нами не просто корабль. Перед нами плавучая тюрьма, позор человечества, мерзость, которую терпят в этих водах только потому, что у здешних купцов сердца заменены золотыми монетами. Наша цель — не его груз, а его душа.

Он медленно обвёл взглядом свою команду — эти грубые, загорелые, татуированные лица, каждый шрам на которых рассказывал свою историю. Здесь были беглые каторжники из Вейльгарда, вольные охотники с Севера, даже один полукровка-кенерит, молчаливый и смертоносный. Все они стали нэкросцами — детьми волны и воли, принявшими «Ик-Венн», закон, который гласил: ни один человек не должен быть цепью для другого.

— Приготовить «Громовержцы»! — скомандовал Азариэль, и его голос окреп. — Пусть узнают, чьи воды они посмели осквернить своим «товаром». Пусть запомнят этот день, даже если доживут до него лишь несколько минут.

Палуба взорвалась лихорадочной деятельностью. Матросы разбежались по своим постам, и тяжелый, слаженный ритм наполнил воздух: лязг металла, стук деревянных шестерён, приглушённые команды. С бортовых орудийных портов с шорохом сдернули тяжёлые штормовые чехлы, обнажив длинные, зловещие стволы «Громовержцев» — пушек, отлитых по секретам овнов, с внутренней резьбой, которая придавала ядру вращение, увеличивая дальность и точность. Их порох, «Скальная Селитра», добытая в глубинах Рваных гор, давал мощь, недоступную ни одному шумерскому или вейльгардскому кораблю. Нэкросцы не торговали этим секретом; они хранили его как зеницу ока, ибо он был их главным козырем.

Элиас из Ривермара, учёный беглец в потрёпанном плаще цвета морской волны, который разительно отличался от практичной кожи и стёганой брони остальных, нервно переминался у кормы. Он поправил очки на переносице, и стекла блеснули, отражая полуденное солнце. Азариэль заметил его дрожащие руки и слегка прищурился.

— Элиас, — окликнул он. — Подойди.

Тот подбежал, спотыкаясь о нагели.

— Капитан?

— Ваша карта. Отметьте точку нашей встречи — координаты, время, курс. Для отчёта

Учёный кивнул, вытащил из потертой кожаной сумки свиток пергамента, испещрённый его мелким, аккуратным почерком, и угольный карандаш. Его пальцы дрожали, но он старался выводить линии ровно. Азариэль знал его историю: обвинён в ереси в Вейльгарде за то, что осмелился утверждать, будто мир круглый, а не плоский, как блин, и будто существуют земли за Краем Света. Инквизиция уже точила зубы, но капитан нашёл его в портовой таверне Купграда — пьяного, отчаявшегося, с потухшими глазами. Он дал ему не просто убежище, а цель, смысл, возможность доказать, что его мысли стоят больше, чем догмы.

— Дистанция? — бросил Азариэль, не оборачиваясь.

— Ещё велика, капитан, — отозвался Барак, не отрываясь от трубы. — Тысяча двести ярдов. Но они уже заметили нас. Видите, как суетятся? Ставят все паруса, даже бом-брамсели, которые для этой посудины как крылья для свиньи. Бегут, как тараканы, сэр.

— Пусть бегут, — усмехнулся Азариэль. — От судьбы не убегут, даже если боги подадут им попутный ветер. — Он поднял правую руку, сжатую в кулак, давая знак артиллеристам. — Наводить по азимуту, с упреждением на два корпуса. Не торопитесь. Первый залп — для острастки, второй — для дела.

«Морская Фурия» летела по волнам, рассекая их, словно хищная птица, чьи пурпурные крылья-паруса жаждали добычи. Расстояние сокращалось с каждой минутой. Теперь невооружённым глазом можно было разглядеть неуклюжий, высокобортный корпус шумерской галеры, её шитые золотом вымпелы, которые трепетали, как флажки на игрушечной мачте, и крошечные фигурки людей, заметавшихся по палубе в паническом хаосе. Азариэль даже различал их крики — отрывистые, испуганные звуки, которые ветер доносил до него поверх воды.

— Первое орудие… пли! — скомандовал он.

Грохот был оглушительным — басовитый удар, от которого задрожали доски под ногами, а в ушах зазвенело. Воздух загудел от пролетающего ядра, оставляющего за собой едва заметный дымный шлейф. Первый залп лёг с недолётом, подняв впереди галеры высокий веер брызг

— вода взметнулась серебряными каплями, осыпав шумерских матросов солёным дождём. Те закричали громче, заметались, пытаясь убрать паруса.

— Поправка, — спокойно сказал Азариэль, — и залп из всех бортовых.

Земля, нет, море содрогнулось от одновременного выстрела шести пушек. Железные ядра, раскалённые от трения в стволах, устремились в цель. Два из них со страшным треском врезались в корпус галеры, выбивая фонтаны щепок, обрывков канатов и человеческих тел. Третье ядро ударило в грот-мачту — та издала ужасающий скрип, согнулась, словно тростник под ветром, и рухнула на палубу, увлекая за собой парус, реи и кричащих людей. Обломки полетели за борт, окрасив воду маслянистыми пятнами.

— Отличная работа, ребята! — крикнул Азариэль, и его голос потонул в реве команды. — Теперь подойдём на расстояние мушкетного выстрела. Пусть посмотрят нам в глаза. Пусть увидят лица свободы!

«Морская Фурия» легко обогнала изувеченный «Сокол Пустыни» и легла в параллельный курс, всего в тридцати ярдах от борта галеры. Теперь Азариэль видел каждую деталь: разбитые надстройки, кровь, стекающую по палубным доскам, искажённые ужасом лица шумерских солдат в белых канди, которые пытались организовать оборону. С их палубы полетели стрелы, но они бессильно плюхались в воду, не долетая, — ветер был против них.

— Волнорезы! К борту! — приказал капитан.

На поручни взбежали десять воинов в стёганых доспехах с металлическими пластинами, с парными ятаганами за спиной и странными, длинноствольными ружьями в руках — «Морскими Осами», штуцерами, которые стреляли на удивление точно и далеко. Элита среди элит, его личная гвардия, прошедшая с ним сквозь огонь и воду.

Раздались одиночные, хлёсткие выстрелы — каждый словно щелчок хлыста. Один за другим на палубе галеры падали стрелки, офицеры, барабанщики. Волнорезы били без промаха, выбирая цели с хладнокровием мясников.

— Готовимся к абордажу! — Азариэль обнажил свой ятаган. Клинок из вейльгардской стали, с волнистым узором, который напоминал морские волны, засверкал на солнце, отражая багровые и золотые блики. — За Нэкрос!

Его крик, пронзительный и яростный, подхватили десятки глоток. С борта «Фурии» полетели абордажные крюки, впиваясь стальными зубами в фальшборт галеры, и корабли с грохотом и скрежетом сошлись, сдавив друг друга, как два борющихся зверя. Мостики рухнули, доски прогнулись.

Азариэль прыгнул первым. Приземление — тяжёлое, с глухим ударом подошв о мокрый настил. В тот же миг перед ним взметнулось копьё — шумерский стражник, широкоплечий, с нашивками центуриона, попытался достать его. Азариэль ушёл в сторону, скользнув по скользкой палубе, и его ятаган описал в воздухе смертоносную дугу — лезвие перерезало древко копья и, не сбавляя скорости, рассекло горло противника. Тёплая кровь брызнула на лицо капитана, но он не моргнул. Вокруг уже кипела схватка — звон стали, хрипы, проклятия, топот ног. Нэкросцы, яростные и дисциплинированные, рубились с шумерской стражей, и хотя численность защитников была больше, выучка нэкросцев и их боевой дух давали им неоспоримое преимущество.

Вдруг с кормы раздался рык, от которого заложило уши, — низкий, гортанный, первобытный. Это была Лира. Урсарка, казалось, заполнила собой всё пространство: её огромная, покрытая густой бурой шерстью фигура возвышалась над людьми, как скала над волнами. В руках она сжимала двуручный топор, лезвие которого было размером с лопату. Один удар — и шумерский солдат в полных латах, издав короткий вопль, перелетел через борт, оставляя в воздухе кровавый шлейф. Другой — и щит её противника разлетелся в щепки вместе с рукой, державшей его. Лира не говорила, не кричала — только рычала, и этот звук был страшнее любых угроз.

Бой был жестоким, но коротким. Увидев демоническую фигуру урсарки, свирепые лица Волнорезов и десятки своих павших товарищей, последние из защитников галеры побросали оружие. Кто-то упал на колени, кто-то прыгнул за борт в надежде спастись вплавь, но течение было сильным, и вода быстро поглотила беглецов.

Азариэль, тяжело дыша, оглядел поле битвы. На палубе царила тишина, нарушаемая лишь стонами раненых и плеском воды. Он вытер клинок о штанину пленного шумерского офицера, который стоял на коленях с белым как мел лицом, и тихо, но отчётливо сказал:

— Трюм, — бросил он Бараку, который уже спускался с борта «Фурии». — Быстро. Каждая секунда промедления — это чья-то задушенная надежда.

Старый штурман с группой матросов, вооружённых ломами и лампами, исчез в зеве люка. Оттуда донеслись приглушённые удары, скрежет отпираемых замков, лязг цепей… А затем — тихий, робкий гул, похожий на далёкий шум дождя. Это были голоса. Множество голосов.

Когда Барак поднялся на палубу, его лицо было мрачнее грозовой тучи, а глаза — полны такой ярости, какую Азариэль видел у него лишь однажды, много лет назад. Штурман сплюнул через борт и глухо произнёс:

— Полсотни, капитан. Мужчины, женщины, дети. В цепях, ржавых, впившихся в кожу до костей. Помесь людей, двое кенеритов, и… — он запнулся, — один старик, похоже, едва живой. Все в лохмотьях, с язвами, обезвоженные. Они сидели в собственных нечистотах, капитан. Три дня без воды, говорят.

Азариэль кивнул, чувствуя, как где-то глубоко в груди поднимается ледяная волна гнева. Он подавил её, сжав челюсти до скрежета. Сейчас нужно было не дать ей выплеснуться, а показать этим людям то, что они ждали — надежду. Он прошёл к люку, наклонился, и его глаза встретились с десятками пар глаз, поднятых из мрака. Они смотрели на него снизу вверх — испуганные, недоверчивые, с той слабой, почти угасшей искрой надежды, которая теплится в каждом живом существе, даже когда всё потеряно. Женщина в рваном платье держала на руках ребенка, который не плакал — только смотрел огромными глазами, как кукла.

Азариэль выпрямился и заговорил. Его голос, обычно звонкий и пронзительный, теперь стал тихим, но твёрдым, как обсидиановый клинок. Он не кричал, но каждое его слово было слышно в наступившей тишине:

— Вы свободны. Слышите меня? Свободны. Ваши оковы будут сброшены здесь и сейчас. Те, кто держал вас в цепях, поплывут с нами в качестве пленных, и они предстанут перед судом «Ик-Венн» в Тамарин-Варе. А вы… вы получите горячую пищу, чистую воду, тёплую одежду и выбор. Вы можете вернуться в те места, которые звали домом, если они ещё есть. Или вы можете ступить на землю Нэкроса и начать новую жизнь — свободную, без хозяев, без клейма. Таков наш закон. Мы не торговцы, не поработители. Мы — освободители.

Он повернулся, чтобы не видеть слёз, которые начали катиться по щекам некоторых пленников, и перевёл взгляд на свой корабль. «Морская Фурия» стояла неподалёку, касаясь бортом галеры, её пурпурные паруса гордо полоскались на ветру, будто одобряя каждый его жест. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая небо и море в густые багровые и расплавленные золотые тона. Это был цвет их знамён, цвет их крови, цвет их свободы. Азариэль вдруг ощутил, как усталость наваливается на плечи — после боя, после адреналина, после этой тяжёлой встречи с чужим горем.

Он провёл рукой по лицу, стирая соль и кровь, и посмотрел на закат. В его голове уже зрела мысль, что на сегодня миссия выполнена, что они взяли курс на Тамарин-Вар, где их ждёт ремонт, отдых и новые приключения. Но где-то на самом краю сознания мелькнула тень — лёгкая, почти незаметная, как рябь на воде от подводного течения. Что-то в этом багровом небе казалось ему необычным. Слишком ярким, слишком… живым, что ли? И ветер, который

ещё час назад был таким попутным и ласковым, вдруг переменился, ударив в лицо сыростью и холодом.

Он не мог даже предположить, что совсем скоро увидит другой багровый цвет — цвет чужих морей под чужим, безумным небом. И что ветер, несущий их к славе, уже несёт их навстречу шторму, который изменит всё. Но интуиция капитана, та самая, что не раз спасала его, шепнула: «Берегись». И Азариэль, сжав рукоять ятагана, дал себе слово быть готовым к чему угодно, даже к невозможному.

Глава 2: Лунные скаты

Море между побережьем Великой Пустыни и Жемчужной Гаванью было не просто водой. Это был синий, бескрайний простор, живое существо, чье дыхание качало «Морскую Фурию» на своих волнах, словно дитя в колыбели. Несколько дней пути отделяли их от дома, и эти дни стали для экипажа временем передышки, починки и долгих разговоров.

Азариэль стоял у правого борта, наблюдая, как солнце превращает воду в расплавленное золото. Позади остались суровые, обожженные солнцем берега Шумера, впереди лежали знакомые, дружелюбные воды. Но даже здесь, на оживленных путях, море умело удивлять.

— Смотри! — крикнул юнга с мачты. — Стая Лунных Скатов!

Все на палубе замерли. Из глубины, словно призраки, всплыли огромные существа. Их тела, плоские и серебристые, достигали в размахе двадцати футов. Они скользили в прозрачной воде, их биолюминесцентные узоры на спинах мерцали мягким голубым светом, даже несмотря на день. Казалось, они танцевали — величественный, немой балет, завораживающий и прекрасный.

— Красиво, — пробормотал Азариэль.

— Предвестники спокойного моря, — подошел к нему Барак, посасывая свою неотъемлемую трубку. — Старая примета. Значит, до дома дойдем без штормов. — Он хмыкнул. — Другое дело, что ждет нас в самой гавани.

— Опять твои предчувствия, старик? — улыбнулся Азариэль.

— Не предчувствия, капитан. Опыт. Хаккар не оставит твой подвиг без внимания. Пятьдесят ртов... для него это не добродетель, а слабость.

В это время на носу корабля разворачивалась другая сцена. Лира, урсарка, устроила импровизированную тренировку для нескольких молодых матросов. Она стояла, широко расставив ноги, ее мощная фигура была воплощением силы.

— Нет, нет, тысячу раз нет! — ее рык заставлял парней вздрагивать. — Ты держишь абордажный топор, как девчонка — веник! Удар должен идти от плеча, от всего тела! Смотри!

Она взяла у одного из них топор и, сделав плавный, но сокрушительный взмах, рубанула по старой, отслужившей свой срок бочке. Бочка разлетелась на щепки.

— Вот так. Сила — это не только мускулы. Это уверенность. Это ярость, которую ты держишь на цепи, но в нужный момент отпускаешь. Попробуй снова.

Матросы, зачарованные и напуганные, с новым рвением принялись за упражнения. Лира наблюдала за ними, и в ее глазах, обычно суровых, светилось нечто похожее на удовлетворение. Для нее экипаж стал новой стаей, и она инстинктивно брала на себя роль старшей сестры-наставницы.

Элиас, тем временем, устроился в тени от сложенных запасных парусов. Перед ним на разложенном пергаменте лежали его инструменты: циркуль, угольники, пузырьковый уровень. Он что-то яростно чертил, сверяясь с астролябией и свитком с координатами.

— Опьять пытаешься доказать, что мир круглый? — над ним возник Барак, выпуская клуб дыма.

Ученый вздрогнул и чуть не уронил чернильницу.

— Я... я не пытаюсь доказать. Я просто фиксирую наблюдения. Кривизна горизонта, угол падения солнечных лучей... Все указывает на сферическую форму. А вы знаете, что если мы будем плыть все время на запад, то в итоге вернемся с востока?

— Знаю, — хрипло рассмеялся Барак. — Потому что на западе — край мира, великий водопад, куда стекают все океаны, а на востоке — стена из бурлящего тумана, за которой плавают корабли-призраки. Так в песнях поется.

— Ваши песни противоречат наблюдаемым фактам! — воскликнул Элиас, его глаза загорелись праведным гневом ученого.

— Факты? — Барак усмехнулся. — Факт в том, парень, что я сорок лет хожу по этому морю и ни разу не упал с края. А твои чертежи... они не накормят команду и не спасут от оркской стрелы. Выбрось эту дурь из головы, пока она не довела тебя до беды.

Старый штурман ушел, покачивая головой, а Элиас с горечью посмотрел на свои расчеты. Он поймал на себе взгляд Азариэля, который наблюдал за этой сценой. Капитан подошел.

— Не слушай его, Элиас. Он верит в то, что видит своими глазами. Ты — в то, что видишь своим умом. Оба пути имеют право на жизнь.

— Спасибо, капитан, — ученый с благодарностью посмотрел на него. — Но иногда... иногда я сомневаюсь. Что, если они правы? Что, если я действительно еретик, и за эти мысли меня ждет проклятие Восьмерых?

— Восьмерые, если они и впрямь существуют, даровали нам разум, — сказал Азариэль. — Грех — не использовать его. Продолжай свои изыскания. Когда-нибудь они принесут нам пользу. Я в этом уверен.

Вечером, когда небо окрасилось в пурпурные и оранжевые тона, а на смену Лунным Скатам пришли стаи серебристых летучих рыб, выпрыгивающих из воды и скользящих над волнами, команда собралась на ужин. Повар Громобрюхий, огромный нэкриец с золотой серьгой в носу, разливал густой похлебку с мидий и рисом.

Освобожденные рабы, уже отмытые, одетые в чистое грубое полотно и накормленные, сидели отдельной группой. Они еще робели, но страх в их глазах понемногу сменялся осторожной надеждой. Одна из женщин, молодая кенеритка, с потрескавшейся кожей, в трещинах которой слабо поблескивали вкрапления, тихо напевала грустную мелодию на своем языке.

Азариэль подсел к ним с миской похлебки.

— Как вас зовут? — спросил он у кенеритки.

Та вздрогнула и опустила глаза.

— Зори... — прошептала она.

— Ты из Золомара, Зори?

Она кивнула.

— Мой клан... мы были Стражами Пепла. Нас захватили во время набега огров... потом продали шумерцам.

— Тебя ждет долгий путь домой, — сказал Азариэль. — Но мы поможем тебе его начать.

— Дом... — она произнесла это слово с такой тоской, что у Азариэля сжалось сердце. — Я не знаю, остался ли там кто-то.

Ночью, когда вахту заступила вторая смена, а на небе зажглись мириады звезд, Азариэль и Барак стояли у штурвала.

— Ты сделал хорошее дело, капитан, — неожиданно тихо сказал старый штурман. — Не слушай меня, старого ворчуна. Я слишком долго жил, чтобы верить в доброту. Но иногда... иногда она побеждает.

— Я не ищу победы, Барак. Я ищу правильный путь.

— «Ик-Венн»? — усмехнулся штурман.

— «Ик-Венн», — подтвердил Азариэль, глядя на Медвежьи звезды, указывавшие путь домой.

Он еще не знал, что вскоре эти звезды исчезнут, а его идеалы столкнутся с реальностью, куда более суровой, чем политика кланов или даже оркские ятаганы. Но пока что корабль мирно покачивался на волнах, а на горизонте уже угадывался далекий, желанный свет Башни Предка.

Глава 3: Зуб Небесной Девы

Сначала Жемчужная Гавань была лишь белым бликом на горизонте — крошечным, почти призрачным пятном, которое можно было принять за далёкую льдину или облако, застрявшее между водой и небом. Но с каждым мерным ударом вёсел «Морской Фурии», с каждым наполненным ветром пурпурным парусом, с каждой уходящей за корму милей солёной воды этот блик рос, обрастал деталями, превращался в нечто такое, от чего у новичков перехватывало дыхание, а у бывалых моряков в груди теплело знакомое чувство возвращения.

Элиас, стоя у фальшборта с растрёпанными ветром волосами и очками, которые он то и дело поправлял, не выдержал и выдал свою коронную фразу, которую потом повторяли на все лады:

— Это не город, высеченный в скале. Это скульптура, где скала — лишь материал для гения. Каждая терраса, каждая арка — словно штрих резца, оставленный бессмертным мастером.

И он был прав. Гигантский утёс, в котором был вырублен Тамарин-Вар, вздымался из воды на добрых триста футов, и его вершина терялась в утренней дымке, где кружили чайки, похожие на белые искры. Но самым удивительным был цвет. Обычно прибрежные скалы имеют мрачный серый или бурый оттенок, но здесь, на южном побережье Нэкроса, порода была особенной — известняк, пронизанный миллионами микроскопических раковин и окаменевших кораллов, отшлифованный веками ветров и приливов. На рассвете и закате он вспыхивал перламутром, переливался всеми оттенками жемчуга — от молочно-белого до нежно-розового, а в лучах полуденного солнца казался раскалённым серебром. Не зря ещё древние шумерские купцы называли это место «Зубом Небесной Девы» — и до сих пор в портовых тавернах можно было услышать легенды о том, что это не скала, а окаменевший клык морского бога, упавший в океан в первые дни Сотворения.

Сам город был вертикальным чудом. Десятки ярусов, террас и аркад, вырезанных прямо в монолите, взбирались вверх, соединяясь между собой изящными мостами, перекинутыми через естественные расщелины и скальные пилоны. Некоторые из этих мостов были настолько узкими и ажурными, что по ним можно было пройти только поодиночке, и они, казалось, висели в воздухе, поддерживаемые лишь волей архонтов. Окна и балкончики домов, вырубленных в каменных стенах, имели причудливые формы — в виде волн, рыб, дельфинов и морских коньков; над некоторыми карнизами были вырезаны головы драконов или морских змеев, из пастей которых во время дождя хлестали водопады. А по перилам мостов, словно разноцветные бусы, были нанизаны флаги и гирлянды из сушёных водорослей, раковин и бронзовых колокольчиков, которые звенели при каждом дуновении ветра, создавая непрерывную, едва слышную мелодию.

Но истинное чудо начиналось у самой воды. Акватория порта представляла собой гигантский естественный амфитеатр — почти идеальный круг, защищённый от океанских штормов двумя изогнутыми молами, сложенными из огромных валунов, скреплённых каким-то древним раствором, который не вымывался даже при самых свирепых бурях. Вход в этот амфитеатр был достаточно широк, чтобы пропустить три самых больших корабля в ряд, но достаточно узок, чтобы сдерживать волнение. Внутри вода была спокойной, как в горном озере, и отражала белые стены города, создавая иллюзию, что город уходит в бесконечную глубину.

В скалах по периметру были вырублены огромные пещеры-доки, где кипела неустанная работа. Оттуда доносился оглушительный грохот молотов, скрежет пил по дереву, звонкий перезвон медных инструментов и глухие удары кузнечных прессов. Из жерл этих пещер, как языки драконов, вырывались клубы пара и дыма, смешанные с запахом горячего металла, смолы и свежей древесной стружки. Над каждым доком висели деревянные вывески с гербами

кланов — скрещённые ятаганы клана Аль-Марик, летучая рыба клана Вейн-Скалл, железный якорь клана Ферранте и десятки других, менее известных, но не менее гордых символов. Каждый клан имел свою специализацию: одни строили военные корабли, другие — торговые, третьи славились оснасткой и парусами, четвёртые — артиллерией. И все они, несмотря на извечное соперничество, признавали авторитет Верховного Совета, который собирался в купольном зале на самом верхнем ярусе.

«Морская Фурия», легко и грациозно скользя между десятками кораблей всех мастей и размеров, направлялась к своему причалу, закреплённому за кланом Аль-Марик с незапамятных времён. По пути они проплывали мимо рыбацких лодок с алыми парусами, которые, словно стая огненных птиц, сновали между судами, выкрикивая свежий улов. Мимо неуклюжих торговых коггов из Вейльгарда, натужно пыхтевших под тяжестью бочек с пивом, мешков с зерном и тюков с шерстью; их палубы были завалены товаром, а на флагштоках гордо реяли знамёна с гербами курфюрстов и лордов — чёрные орлы и золотые розы. Мимо быстрых, узких разведчиков с Орских границ, чьи корпуса были окрашены в цвета степи — охру и песок, — и на их бортах висели трофейные щиты. И, конечно, мимо десятков сородичей-«волногрызов» — гордых кораблей Нэкроса, с пурпурными парусами и обтекаемыми силуэтами, созданными для скорости и манёвренности. Некоторые из них были настолько новыми, что их борта ещё не обросли ракушками, и пахли свежей краской и дёгтем. Азариэль окинул их хозяйским взглядом и с удовлетворением отметил, что его «Фурия» выглядит ничуть не хуже, несмотря на свои годы службы.

Воздух в гавани был густым, как похлёбка, — густым коктейлем из сотни запахов, которые переплетались в неповторимый аромат портового города. Солёный бриз, несущий прохладу с открытого моря, смешивался с дразнящими волнами жареных каракатиц и мидий, которые шипели на огромных чугунных жаровнях прямо на причалах. Торговцы сновали между рядов, нахваливая свой товар, и в воздухе витал сладковатый, пряный дух корицы, перца, гвоздики и шафрана — драгоценные специи, которые свозили сюда со всех концов обитаемого мира, от далёких островов Шепчущих Равнин до шумных базаров Белокамени. Из распахнутых дверей таверн доносился терпкий запах кислого эля, медовухи и свежеиспечённого ржаного хлеба, а где-то рядом квасили рыбу в бочках, и этот резкий, аммиачный запах пробивался сквозь всё многообразие, напоминая о суровой реальности морского быта. А над всем этим, как невидимый купол, витал едкий, но до боли знакомый каждому моряку запах смолы, дегтя, мокрых канатов и водорослей, выброшенных на прибрежные камни.

— Пришвартовывайся! — скомандовал Азариэль, и его голос, усиленный привычкой командовать в шторм, потонул в общем гомоне, но команда его услышала мгновенно.

Барабанщик ударил несколько раз в тулумбас, задавая ритм, и матросы, словно единый организм, начали манипуляции с канатами. С пирса уже бежали портовые рабочие, готовые принять швартовы, и через минуту «Морская Фурия» с глухим стуком коснулась деревянных причальных тумб, выдолбленных из цельных стволов вековых дубов. Канаты натянулись, корабль дрогнул и замер, успокоенный, как верный пёс у ног хозяина.

Их встречали. Как только трап коснулся пирса, на набережную хлынула волна портовой жизни, и Азариэль почувствовал, как усталость последних дней отступает под натиском этой тёплой, живой суеты.

— Эй, Заря! — раздался знакомый бас с соседнего корабля, где стоял капитан по кличке Мокрый Ворон, старый друг и соперник. — Опять нашумел? Слышали, шумерцам всыпал так, что они до сих пор зубы собирают! Говорят, ты у них галеру отбил с целым грузом рабов! Молодец, не даёшь скучать!

— Азариэль! — кричали с другого причала. — Спускай своих молодцов в «Пьющую Сирену»! Первый кувшин за мой счёт!

— Есть раненые? — выкрикивал тощий человек в белом переднике, пробиваясь сквозь толпу. — Веду хирурга из Зильбергафена, лучшая цена, лечит даже морскую болезнь! И кости сращивает так, что через неделю сможете ногой ворочать!

Азариэль улыбнулся, махнул рукой в ответ, но его взгляд уже оценивающе скользил по пирсу, привычно выискивая потенциальные угрозы. Пирс здесь был не просто дощатым настилом — это было отдельное живое существо, которое дышало, шумело, торговалось и ругалось на десятке языков. Грузчики с медными обручами на шеях, на которых были выгравированы символы их гильдий, катили тяжёлые бочки с вином и бочонки с порохом, причём последние они перемещали с особой осторожностью, почти на цыпочках. Надсмотрщики с восковыми дощечками в руках, одетые в длинные сюртуки, бегали между ними, сверяя груз с корабельными манифестами и что-то яростно выкрикивая о штрафах и недогрузе. Мальчишки-разносчики, босые, чумазые, с лотками, полными горячих лепёшек с рыбой, ловко лавировали между ног взрослых, не боясь быть раздавленными, и их звонкие голоса перекрывали даже грохот кранов. А на втором ярусе, на резных балконах, уже собрались зеваки — богатые торговцы, ремесленники с семьями, праздные гуляки, которые пришли поглазеть на вернувшихся героев и их «трофей» — разбитую шумерскую галеру, которую Азариэль привёл на буксире в качестве доказательства и наглядной демонстрации силы клана.

Выгрузка началась немедленно, без лишних церемоний. Команда, уже доведённая до автоматизма долгими плаваниями, организовала живую цепь — от трюма до склада на пирсе. Одни передавали тюки с шёлком, ящики с пряностями, мешки с сушёными фруктами, другие грузили их на подводы, запряжённые низкорослыми, но выносливыми портовыми лошадьми. Азариэль лично проверил несколько ящиков с трофейным оружием и, убедившись, что всё на месте, кивнул Бараку. Лира, не доверяя хрупким нэкрийским грузчикам, сама взгромоздила на свои могучие плечи огромный сундук, окованный железом, и с глухим рыком сошла на берег. Её массивные ступни сотрясали доски причала, и толпа вокруг неё расступалась с почтительным смешком.

— Эй, медведица! Не урони! — пошутил кто-то из толпы, явно знакомый с ней.

Лира оскалилась в ответ, обнажив внушительные клыки, и её голос, низкий и раскатистый, прозвучал как катящийся валун:

— Лучше помоги, а то я могу случайно уронить… на твою ногу. Она мне как раз подойдёт для подпорки.

Толпа захохотала, а шутник поспешно отступил, поднимая руки в шутливом жесте капитуляции.

Но главное зрелище ждало своего часа. Когда на трап, шатаясь и щурясь от яркого солнца, показались освобождённые рабы, шум на причале на мгновение стих, словно кто-то приложил палец к губам. Люди, собравшиеся на набережной, смотрели на этих исхудавших, бледных, почти прозрачных существ, одетых в грубую, чужую одежду, которую им выдали на корабле, — смотрели со смесью жалости, любопытства и непонимания. Кто-то перешёптывался, кто-то крестился древним жестом, кто-то молча качал головой. Женщина с ребёнком на руках, та самая, чьи глаза казались пустыми, ступила на пирс и заплакала, не сдерживаясь. Её никто не торопил; портовые рабочие почтительно расступились, освобождая дорогу.

И в этот момент из толпы раздался громкий, нарочито насмешливый голос, который Азариэль узнал бы из тысячи других:

— Смотри-ка, капитан Заря и тут благодетельствует. — Это был рослый, плотный нэкриец в дорогом синем плаще с меховой отделкой, капитан Альваро дель Мар из клана Ферранте. Его лицо, обветренное и пересечённое старым шрамом от виска до подбородка, было искажено презрительной ухмылкой. Он стоял чуть в стороне от основного столпотворения, скрестив руки на груди, и за ним стояли двое его телохранителей с короткими абордажными тесаками у пояса. — И сколько же, позволь узнать, нам придётся заплатить за пропитание и

кров для этой оравы? Или ты думаешь, что казна Нэкроса бесконечна, а наши налоги идут только на твои благотворительные спектакли?

Азариэль, который в этот момент помогал сойти старой женщине, не повернулся к нему, даже не замедлил шага. Но его голос, когда он ответил, был ледяным и ровным, как клинок, только что вынутый из ножен:

— Они заплатят сами своим трудом, Альваро. Каждый из них получит работу в порту, на складах или в мастерских — по силам. Или, быть может, твой клан предпочтёт, чтобы я вернул их обратно в цепи, дабы не обременять казну? Я слышал, твои купцы как раз ищут дешёвую рабочую силу для рудников в Рваных горах. Хочешь, я направлю их к тебе?

В толпе раздались смешки и одобрительные возгласы. Кто-то хлопнул в ладоши. Альваро помрачнел, его лицо налилось красным, и он уже открыл рот, чтобы ответить, но Азариэль спокойно добавил, теперь уже повернув голову и встретившись с ним взглядом:

— А если ты так печёшься о бюджете, Альваро, то передай своему клану, что наша доля трофеев уже подсчитана и десятину мы внесём завтра на утреннем Совете. Ты ведь знаешь, мы всегда платим по счетам. В отличие от некоторых, кто прячет свои доходы на тайных складах за Северным мысом.

Вокруг раздался одобрительный гул. Альваро, чувствуя, что публика не на его стороне, зло сплюнул и, бросив на Азариэля взгляд, который обещал долгую память, растворился в толпе, сопровождаемый своими молчаливыми громилами.

Элиас, тем временем, уже сбежал по трапу с такой скоростью, словно его преследовал сам морской дьявол. Он держал в руках объёмистый кожаный портфель, из которого торчали свёртки пергамента, и, пробиваясь сквозь людскую толчею, направлялся к одному из складов, где за массивным столом, заваленным свитками, картами и чертежами, сидел старый, совершенно лысый нэкриец в круглых очках на цепочке. Это был мастер Каллим, главный картограф и хранитель навигационных знаний порта — человек, которого Элиас считал своим наставником, хотя тот всячески открещивался от этого звания.

— Мастер Каллим! — задыхаясь, выпалил Элиас, бросив портфель на стол и выхватив один из свитков. — Вы должны взглянуть! Я вёл записи во время шторма у архипелага Клыков, что у Огрова острова, и я обнаружил аномалии в магнитном поле! Указатель компаса вёл себя странно, стрелка колебалась, несмотря на ясную погоду! И это не всё, я пересчитал течения — там, к востоку от острова Вира, я зафиксировал подводное течение, которого нет ни на одной вашей карте!

Старик поднял на него усталые, покрасневшие от долгих ночных бдений глаза и вздохнул с такой глубиной, словно выдыхал все свои семьдесят лет.

— Элиас... — голос Каллима был сиплым, как наждак. — Ты же обещал, когда я тебя приютил, что оставишь свои бредни о круглой Земле и прочих бесовских теориях. Мои уши уже устали слушать про твои «кривизны» и «магнитные наклонения». Мы здесь строим корабли, а не опровергаем священные писания. Хочешь, чтобы инквизиторы из Вейльгарда добрались и сюда?

— Но это не про это! — Элиас чуть не подпрыгивал на месте от возбуждения. — Это не про форму Этерии, это про практическое навигационное значение! Если я прав, то там, на востоке, есть неизведанный пролив, который сокращает путь в Острова Специй на две недели! А магнитные аномалии указывают на возможные залежи железной руды, которая нам нужна для пушек!

Каллим поморщился, снял очки и протёр их краем рубахи, что лишь размазало грязь.

— Ладно, ладно, — махнул он рукой, забирая свиток и даже не разворачивая его. — Оставь свои каракули. Я посмотрю, когда у меня будет свободное время. Может, через неделю, если мне не придётся разбирать жалобы купцов на пиратство. А сейчас, ради всех богов, иди

выпей эля. Ты выглядишь так, будто тебя только что выловили из желудка левиафана — бледный, трясёшься и несёшь околесицу. Отдохни, Элиас. Море не убежит.

Элиас хотел возразить, открыл рот, но, увидев непроницаемое лицо старика, только вздохнул и, забрав свой свиток, побрёл прочь, бормоча что-то о невежестве и косности старшего поколения.

Азариэль, закончив с выгрузкой и убедившись, что рабов разместили во временном приюте, который содержали жрицы клана Аль-Марик, прислонился к борту своего корабля. Он смотрел на этот кипящий котёл жизни, который каждый день выбрасывал тысячи событий, лиц и голосов. Он видел, как Зори, одна из тех кенеритов, которых они освободили, робко разговаривает с местной женщиной-гончаром, та суёт ей в руки горячую лепёшку с травами, и на лице освобождённой впервые за много дней появляется слабая, робкая улыбка. Он видел, как его матросы, похлопывая по плечам старых знакомых, направляются к «Пьющей Сирене» — таверне, где их уже ждали дымящиеся кружки с тёмным элем и миски с острым рагу. Он видел, как Барак уже ведёт яростный торг с представителем его же клана за цену на шёлк — старый штурман размахивал руками, сыпал цифрами и проклятиями, и казалось, они вот-вот перейдут на кулаки, но Азариэль знал, что это лишь часть их ритуала.

Он чувствовал гордость. Это был его дом. Его люди. Его мир, построенный на воле, соленой воде и непоколебимой вере в то, что каждый человек имеет право быть свободным. Но вместе с гордостью в душе поднималась и тревога — та самая, что не давала ему покоя ещё у берегов Шумерии, когда он смотрел на багровое небо. Там, на горизонте, за этим белокаменным городом, за этим пёстрым весельем, зрело что-то тёмное, и он не мог понять — что именно. Совет кланов завтра соберётся неспроста; слухи о странных кораблях на востоке, о штормах, которые приходят ниоткуда, уже ползли по порту, как паутина.

К нему подошёл Барак, вытирая пот со лба и довольно ухмыляясь, — видимо, торг он выиграл.

— Ну, капитан, мы дома. Что теперь? К «Сирене»? Или сначала в баню?

— Теперь, старый друг, — Азариэль глубоко вдохнул воздух, пахнущий свободой, морем и жареными мидиями, — нас ждёт Совет. И я подозреваю, что наш тёплый приём на причале и перепалка с Альваро — это последние приятные события на сегодня. Он не простит мне такого унижения, а клан Ферранте имеет влияние. Завтра будет жарко.

Барак усмехнулся:

— Мы переживали и не такое. Ты только скажи — я всегда с тобой.

— Знаю, — Азариэль хлопнул его по плечу. — Иди, отдыхай. Сегодня — праздник. Завтра — битва.

Он ещё не знал, насколько будет прав. Но пока что он стоял на пирсе, смотрел, как последние лучи солнца окрашивали белоснежный город в нежные тона розового и золотого, и слушал, как портовая суета медленно перетекает в весёлый гул ночных гуляний. Откуда-то доносились звуки лютни и пение, кто-то уже затеял пляску у бочек с вином. Над гаванью зажигались огни — сотни светильников, развешанных на балконах и мачтах, отражались в тёмной воде тысячами дрожащих звёзд.

Азариэль задержался у самого края пирса, глядя на линию горизонта, где море сливалось с небом. Ветер переменился, стал прохладным, и ему показалось, что он слышит в этом ветре далёкий, неясный звон — будто кто-то ударил в колокол на другом конце света. Он поёжился, хотя вечер был тёплым, и, тихо выругавшись на свою мнительность, направился к таверне, где его уже ждали друзья.

Но одна мысль засела в голове: завтрашний Совет станет не просто собранием кланов. Это будет момент, когда Нэкросу предстоит сделать выбор — остаться в своих водах или выйти навстречу неизведанному. И Азариэль был готов вести их куда угодно — даже в самое сердце бури.

Глава 4: Почётная ссылка

Воздух в Башне Предка был иным. Он не пах морем, смолой и жизнью, как порт. Здесь пахло старым камнем, воском для полировки оружия и властью. Молчаливая стража в лакированных кирасах и с алебардами пропустила Азариэля и Барака внутрь. Элиас остался ждать у входа, нервно теребя свой свиток с картами — ему, чужаку и беглецу, здесь не было места.

Они поднимались по бесконечной спирали лестницы, высеченной в сердцевине скалы. С каждым шагом шум порта оставался все дальше внизу, пока не превратился в едва слышный, далекий гул.

— Никогда не любил это место, — проворчал Барак, отдуваясь. — Слишком высоко. Слышишь только ветер и собственные мысли. А мысли, как известно, к добру редко приводят.

— Сегодня твои мысли, похоже, сбываются, — тихо ответил Азариэль.

Зал Совета Адмиралов оказался именно таким, каким его описывали легенды: открытый небу, огражденный резным парапетом из белого камня. Семиугольный стол из темного темиронового дерева повторял форму волны. За ним сидели семеро самых влиятельных людей Нэкроса. Их лица, испещренные морщинами и боевыми шрамами, были непроницаемы. В их глазах читалась не мудрость моря, а холодный расчет.

В центре, на самом почетном месте, сидел седовласый Адмирал Кассиус из клана Аль-Марик, формальный глава Совета. Справа от него — массивный Губернатор Хаккар из клана Ферранте, его руки, сложенные на столе, напоминали булыжники. Остальные пятеро представляли другие могущественные кланы — торговцев, кораблестроителей, банкиров.

— Капитан Азариэль Аль-Марик, — начал Кассиус, его голос был сухим и безэмоциональным. — Совет заслушал ваш предварительный отчет. Теперь мы ждем деталей. И отчета о затратах.

Азариэль, стоя перед ними, чувствовал себя так, будто его «Морскую Фурию» бросило в шторм. Он четко, по-военному, доложил о ходе миссии, о бое с шумерским кораблем, о захваченных трофеях и их оценочной стоимости.

Когда он упомянул об освобожденных рабах, в зале повисло тяжелое молчание.

— Пятьдесят три человека, — подвел итог Губернатор Хаккар. Его голос был низким и глухим, словно подводный грохот. — Пятьдесят три рта. Пятьдесят три тела, которые нужно обуть, одеть и вылечить. И все это — за счет казны. За счет наших налогов, капитан.

— Мы дали им свободу, губернатор, — ответил Азариэль, стараясь, чтобы его голос не дрогнул. — Это главный принцип нашего «Ик-Венн». Сила — в Воле. Мы не шумерцы, торгующие людьми.

— Мы — нация мореплавателей и воинов! — Хаккар ударил кулаком по столу. — Наша сила — в наших кораблях и в нашей добыче! Пока ты возился с этими оборванцами, твой корабль мог бы перехватить оркский конвой с рудой для их инженеров! Или совершить набег на прибрежные фактории Шумера! Мы теряем время, ресурсы и возможности!

— Мы приобретаем нечто большее — честь, — вступил Адмирал Кассиус, но его голос звучал скорее как формальность. — Однако, Губернатор Хаккар не лишен оснований. Бюджет флота не безграничен. Ваша миссия, капитан, с точки зрения чистого дохода, едва окупила себя.

— Честь не кладут на весы, адмирал, — парировал Азариэль.

— Все кладется на весы! — возразил один из других адмиралов, представитель клана торговцев. — Даже честь. Особенно честь. Наша честь должна приносить дивиденды, иначе мы превратимся в благотворительное братство, которое сдохнет с голоду, но с высоко поднятой головой.

Споры длились больше часа. Азариэля упрекали в расточительности, в излишнем идеализме, в непрактичности. Он защищался, апеллируя к древним заветам и моральному долгу. Барак стоял позади него, молчаливый и мрачный, и его присутствие было единственной опорой.

В конечном итоге, Кассиус поднял руку, требуя тишины.

— Совет признает миссию капитана аль-Марика успешной, но с серьезными оговорками. Захваченная галера и груз конфискуются в общую казну для компенсации расходов. Что касается освобожденных... им будет предоставлен временный кров и работа на верфях. Их дальнейшая судьба будет решена позже.

Это была не победа, а унизительный компромисс. Азариэль чувствовал горечь на языке.

— И, принимая во внимание вашу... склонность к независимым решениям, — продолжил Кассиус, — Совет постановляет направить «Морскую Фурию» на патрулирование дальних рубежей. У границ с Орской Империей. — Он посмотрел на Азариэля прямо. — Там требуются дисциплина и четкое следование приказам. Надеюсь, вы проявите их в полной мере. Это приказ.

Азариэль застыл. Дальние рубежи. Это была почетная ссылка. Забвение. Под предлогом важной миссии его удаляли от центра событий, от политики, от всего, что было важно.

Губернатор Хаккар смотрел на него с холодным торжеством в глазах.

— Есть вопросы, капитан? — спросил Кассиус.

Азариэль сделал глубокий вдох. Воспротивиться приказу Совета значило бы стать изгоем. Изгнание было бы лучше этой лицемерной «почетной» службы, но он не мог подвести свой экипаж.

— Вопросов нет, адмирал, — сказал он, и его голос прозвучал мертво и ровно. — «Морская Фурия» выполнит приказ.

— Отлично. Припасы вам выделят. Отплытие — через три дня. Совет окончен.

Спускаясь по бесконечной лестнице обратно, Азариэль и Барак молчали. Только когда они вышли на шумный причал, залитый солнцем, старый штурман выругался.

— Я же говорил. Сухопутные крысы. Они думают, что море — это шахматная доска, а корабли — пешки.

— Они дали нам корабль, Барак. И приказ. Мы его выполним, — сказал Азариэль, глядя на свою «Морскую Фурию», которая качалась на воде, такая же гордая и прекрасная. — Мы покажем им, что даже на краю света «Морская Фурия» остается острием Нэкроса.

— А что насчет них? — Барак кивнул в сторону квартала, где разместили освобожденных рабов.

Азариэль посмотрел туда. Он видел Зори, которая помогала местным женщинам чинить сети. Ее движения были еще неуверенными, но в них уже была не рабская покорность, а достоинство свободного человека.

— Мы дали им шанс. Теперь их судьба в их руках. А наша... — он повернулся к своему кораблю, — наша ждет нас за горизонтом.

Он не знал, что этот горизонт скрывает не просто оркские дозоры, а нечто, что перевернет все их представления о мире. Но в тот момент он видел лишь одно: его идеалы столкнулись с суровой реальностью власти. И ему предстояло доказать, что они чего-то стоят.

Глава 5: Клятва на палубе

Три дня. Срок, за который можно перевернуть жизнь, сломать судьбу или, наоборот, закалить дух до состояния кованой стали. Для команды «Морской Фурии» эти три дня стали временем яростной активности и горьких раздумий — временем, когда каждый из них в одиночестве или в кругу товарищей переосмысливал всё, во что верил.

Азариэль собрал всех на главной палубе на закате, когда последние лучи солнца окрашивали белоснежные стены Тамарин-Вара в кроваво-красный цвет, а тени от мачт ложились длинными, искореженными пальцами на доски. Он стоял на шканцах, высокий и прямой, сжимая в руке свернутый свиток с печатью Совета — тот самый, который вручили ему сегодня утром в купольном зале, где в воздухе витал запах старого пергамента и лицемерия. Перед ним столпилась его команда — его семья, его опора, его совесть. Лица, которые он знал годами, с которыми делил и опасности, и радости, и бессонные ночи под проливным дождём. Сейчас на этих лицах читались тревога и ожидание — они уже чувствовали неладное, потому что знали своего капитана лучше, чем он сам.

— Братья и сестры! — начал он, и его голос, обычно звонкий и властный, сегодня прозвучал немного натянуто, с хрипотцой, которая выдавала усталость и внутреннее напряжение. — Совет вынес своё решение. Наше следующее задание — патрулирование дальних рубежей. У границ с Орской Империей. От полуночи и до заката, от заката до полуночи — мы будем там, где даже чайки не летают.

Он сделал паузу — тягучую, тяжёлую, — давая словам просочиться в сознание, осесть на душе, как солёный налёт на коже. Сначала была тишина, та самая гулкая тишина перед бурей, а потом палубу взорвал гул возмущения — нестройный, яростный, похожий на рёв прибоя в шторм.

— Что?! — выкрикнул один из старших матросов, коренастый мужчина с татуировкой шпаг на шее, которые дергались от каждого слова. — Это же край света! Там кроме оркских дозоров и водяных смерчей, которые засасывают корабли в бездну, ничего нет! Мы там сгнием от тоски и безделья!

— Нас ссылают! — поддержал его другой, молодой парень, который только в этом году вступил в команду. — За то, что мы поступили по совести! За то, что осмелились вернуть людям свободу! А не продавать их, как скот, как делают те, кто сидит в Совете!

— Тише! — прогремел Барак, и его хриплый, как наждак, рык заставил всех смолкнуть на мгновение. Он шагнул вперёд, нависая над толпой своей сутулой, но крепкой фигурой. — Дайте капитану договорить! Или вы забыли, кто стоит перед вами? Кто вытащил вас из цепей и из грязи? Дайте ему слово!

Азариэль с благодарностью кивнул старому штурману. Он видел в глазах своих людей не просто гнев. Он видел предательство — то самое, которое жжёт сильнее, чем ожог от смолы. Они вернулись домой героями, с трофеями и спасёнными жизнями, а с ними поступили как с провинившимися учениками, которых отсылают в угол за то, что они посмели думать своей головой. И это было обидно до скрежета зубов.

— Я знаю, что вы чувствуете, — продолжал Азариэль, и теперь в его голосе зазвучала сталь — та самая, что выковывается в боях и в морозных ночах, когда сдаться легче, чем бороться. — Я чувствую то же самое. Я чувствую, как эта бумага жжёт мне пальцы. Они называют это «почётной миссией», «важным стратегическим заданием». Мы знаем, что это наказание. Наказание за то, что мы остались верны «Ик-Венну». За то, что мы предпочли человеческие жизни, свободу и достоинство — лёгкой добыче и звонкой монете.

Он прошелся взглядом по толпе, встречаясь глазами с каждым. С Лирой, которая сжимала кулаки так, что хрустели суставы. С Элиасом, который, бледный, стоял позади всех, но

его взгляд горел той же решимостью. С молодыми матросами, которые ещё не обросли шрамами, но уже пропитались духом корабля. С ветеранами, чьи лица были изрезаны морщинами глубже, чем трещины на скалах.

— Но я скажу вам вот что, и запомните это, — его голос окреп, набрал силу, как ветер перед штормом. — «Морская Фурия» — это не просто кусок дерева и парусины, не просто доски, склёпанные железом. Это наш дом. Наша крепость. Наша честь, которую мы носим в груди, как второе сердце. И если Совет думает, что, отправив нас на край света, они сломают наш дух, раздадут нас поодиночке, как старую снасть, — они жестоко ошибаются!

В толпе послышались одобрительные возгласы — сначала робкие, затем всё более громкие, перерастающие в рык. Кто-то топнул ногой, кто-то ударил кулаком по поручню.

— Они ошибаются, потому что не понимают одного, самого главного, — Азариэль повысил голос так, что он зазвенел, как клинок о клинок. — Для них море — это границы на карте, линии, проведённые чернилами, и цифры в отчётах о налогах и добыче. Для них корабль — это средство, инструмент, который можно выбросить, когда он износится. Но для нас, для настоящих детей волны, море — это жизнь! Дыхание, кровь, свобода! И неважно, в каких водах мы плаваем — в знакомых или неизведанных, у берегов Шумерии или у клыков Орской Империи. Мы везде дома! Потому что наш дом — это наш корабль, наши люди, наши идеалы! И пока мы вместе, пока мы держимся друг за друга, как канаты в шторм, никакой приказ Совета, никакая ссылка не заставит нас свернуть с нашего пути!

Теперь крики стали оглушительными, захлестнув палубу волной яростной энергии. Кто-то бил кулаком по поручням, кто-то скандировал название корабля, кто-то обнимал стоящего рядом товарища. Глаза горели, лица раскраснелись, и в каждом взгляде читалась одна и та же мысль: мы не сдадимся.

— Мы покажем этим сухопутным крысам, этим торгашам, что сидят в Совете и считают свои монеты, что значит настоящий нэкросский дух! — закричал Азариэль, обнажая свой ятаган. Клинок из стали овнов вспыхнул в лучах заката багровым пламенем, и капитан поднял его к небу, как древний символ победы. — Мы вернёмся из этого плавания не с повинной головой, не с мольбами о прощении, а с новыми победами, с трофеями, с картами неизведанных земель! И пусть каждый, от последнего писаря до губернатора, знает — «Морская Фурия» не сдаётся! За Нэкрос! За свободу! За море!

— ЗА НЭКРОС! ЗА СВОБОДУ! — рев толпы заглушил шум прибоя, заглушил крики чаек, заглушил даже отдалённый грохот портовых кранов. Это был крик, который, казалось, поднимался к самому небу, пробивая вечернюю дымку.

Когда толпа начала понемногу расходиться, разбиваясь на привычные группки, к Азариэлю подошли его ближайшие сподвижники. Барак, хмурясь, но с одобрением в глазах, первым нарушил молчание:

— Хорошая речь, капитан. Зажигательная, как порох в «Громовержце». — Он почесал седую щетину и добавил более мрачно: — Но речи не наполнят трюмы провизией и не починят такелаж. А мы выходим надолго. Работы — по горло, и я бы сказал, что нас ждёт самое хлопотное снаряжение за последние годы.

— Я знаю, старый друг. С этого и начнём. Завтра на рассвете начинаем подготовку — полную, тотальную, без единой упущенной детали. А сегодня... — Азариэль обвёл взглядом своих друзей: сурового Барака, могучую Лиру, которая едва сдерживала улыбку, и бледного, но горящего энтузиазмом Элиаса. — ...сегодня вечером жду всех в «Пьющей Сирене». Выпьем за наш корабль. И за наше упрямство, которое, как я надеюсь, когда-нибудь войдёт в легенды.

Лира, скрестив свои мощные, покрытые шерстью руки, фыркнула с таким звуком, будто пробовала воздух на вкус:

— Орки... хоть какое-то развлечение будет. Надеюсь, их будет много, целый флот. Я уже заскучала по настоящей рубке, по лязгу металла и хрусту костей. А эль в «Сиренке», надо

признать, ничего так — тёмный, густой, с горчинкой. Я даже могу выпить кружки три, не поморщившись.

— Я... я приготовлю список необходимого для навигации в незнакомых водах, — пролепетал Элиас, теребя край своей потрёпанной мантии. — Дополнительные секстанты, песочные часы с повышенной точностью, компасы с защитой от магнитных аномалий... И... если есть возможность, я слышал, у овнов на торговой улице появилась партия усовершенствованных астролябий с подвижными кольцами. Они могут стать решающим фактором при определении широты в облачную погоду. Я, конечно, понимаю, что это дорого, но...

— Завтра, Элиас, — улыбнулся Азариэль, положив руку ему на плечо. — Завтра ты получишь всё, что нужно, даже если мне придётся продать свою парадную перевязь. А сегодня — только эль, хорошая компания и возможность забыть на пару часов о том, что нас ждёт. Ты это заслужил. Мы все это заслужили.

Следующие два дня Жемчужная Гавань стала свидетелем лихорадочной активности, которая, казалось, никогда не прекращалась у причала «Морской Фурии». Команда работала не покладая рук, словно каждый из них был одержим демоном трудолюбия — от первого луча солнца, который прорезал утренний туман, до последней искры заката, гаснущей за скалами.

Барак, как главный по снабжению, обосновался на пирсе с утра и до вечера вёл ожесточённые торги с купцами — местными и заезжими, — выбивая лучшую цену на сухари, которые должны были не плесневеть месяцами, на вяленое мясо, пропитанное солью и специями, на солёную рыбу, бочки с пресной водой и, конечно, на бочонки с кислым элем, который спасал от цинги. Он знал толк в этом деле: каждый лишний грош, сэкономленный сейчас, мог обернуться жизнью или смертью в открытом море, далеко от родных берегов.

Лира со своей группой самых крепких матросов проверяла каждый дюйм такелажа — от шкотов до брасов, заменяя изношенные канаты на новые, плетёные из лучшей пальмовой пеньки, и залатывая паруса, которые за время предыдущего плавания успели прохудиться от солнца и ветра. Она же лично осматривала рангоут, взбираясь на самые высокие реи с ловкостью, которую трудно было ожидать от такого массивного тела. Иногда она рычала от раздражения, находя очередную слабину, но чаще — довольно урчала, когда всё оказывалось в порядке. Звон молотов и скрежет пил не умолкал ни на час: корабельные плотники из клана Аль-Марик, пригнанные по личному приказу Азариэля, укрепляли корпус в самых уязвимых местах, прокладывая дополнительные шпангоуты и заливая щели особой смолой, чтобы «Фурия» могла выдержать даже самые свирепые штормы.

Элиас, получив щедрый аванс из собственных средств Азариэля — капитан, как выяснилось, действительно снял с себя парадную серебряную перевязь с фамильным гербом и отдал её в залог, — сновал по порту как угорелый, забегая в десятки лавок и мастерских. Он скупал карты, на которых были нанесены даже самые малоизученные течения, астролябии, секстанты, кварцевые песочные часы и целый ворох алхимических реагентов для создания несмываемых чернил, которые не боялись ни солёной воды, ни времени. Он выглядел счастливее, чем когда-либо прежде, — его глаза горели, а руки тряслись от возбуждения, когда он перебирал новые приобретения, бормоча себе под нос формулы и расчёты.

Азариэль же взял на себя самое важное — вооружение и боеприпасы. Он лично наблюдал за погрузкой пороха «Скальной Селитры», проверял каждую бочку на герметичность, каждое ядро на отсутствие трещин. Он пересчитал все «Громовержцы», протёр их стволы, смазал механизмы. Затем — каждое ружьё, каждый ятаган, каждый кинжал на борту. Он ходил по трюму с факелом в одной руке и с ножом в другой, как призрак, ища любую неисправность. Они шли на оркские рубежи, и быть неподготовленным означало бы смерть — не быструю и не милосердную, а долгую и мучительную, на холодных водах, где никто не придёт на помощь.

К концу второго дня, когда солнце снова начало клониться к закату, «Морская Фурия» была готова. Трюмы ломились от припасов — закрученные бочки с водой и элем, мешки с

мукой и сухарями, ящики с солониной и сушёными овощами, сменная одежда и инструменты. Паруса были починены и нашиты новыми полосами плотной ткани, корпус проконопачен и просмолён заново, так что пахло свежим дёгтем и деревом. Пушки были заряжены и наведены походным образом. Корабль стоял у причала, слегка покачиваясь на лёгкой волне, словно затаившаяся пантера, напрягшая все мышцы перед прыжком в неизвестность.

Вечер перед отплытием витал в воздухе, густой и насыщенный, как сам воздух порта — пропитанный запахами соли, рыбы, влажного дерева и далёких приправ. Всё было готово. Всё, кроме самого главного — прощания. Оставалось только провести эту ночь — последнюю ночь на твёрдой земле, в стенах родного города, который, возможно, они увидят ещё не скоро. Азариэль стоял на палубе, опершись руками о фальшборт, и смотрел на огни Тамарин-Вара, которые один за другим зажигались на склонах скалы. В какой-то момент к нему подошла Лира, и они долго молчали, глядя на отражение этих огней в тёмной воде.

— Знаешь, капитан, — сказала она наконец своим низким, урчащим голосом, — я никогда не думала, что буду скучать по этому городу. Но сейчас... сейчас я чувствую, как он становится для меня чем-то большим, чем просто порт.

— Это потому, что ты стала частью чего-то большего, Лира, — ответил Азариэль, не оборачиваясь. — Мы все стали. И мы вернёмся. Я обещаю.

Они ещё постояли в тишине, а затем направились в «Пьющую Сирену» — туда, где их уже ждал смех, песни и тёплый свет, который, как им казалось, никогда не погаснет.

Глава 6: Пьющая Сирена

«Пьющая Сирена» была таким же учреждением Нэкроса, как и Совет Адмиралов, только честнее. Стены ее, пропитанные столетиями табачного дыма, соленых брызг и тысяч голосов, помнили больше решений, чем любой зал заседаний. Под низкими сводами из темного темиронового дерева заключались союзы, планировались набеги и рождались легенды.

В этот вечер таверна была полна как никогда. Команда «Морской Фурии» заняла свой привычный угол — несколько больших столов, сдвинутых воедино. Громкий гомон, смех и звон кубков заполняли пространство. После двух дней тяжелой работы команда отрывалась по-настоящему.

Азариэль сидел во главе стола, наблюдая за своими людьми. Он видел, как старый Барак, уже изрядно навеселе, ораторствовал перед группой молодых матросов, размахивая трубкой и рассказывая невероятные истории о морских чудищах.

— ...и тогда я говорю этому кракену: «Дружище, твои щупальца портят оснастку!» — гремел Барак. — А он, представьте, как застесняется, и — бултых! — обратно на дно!

Стол сотрясался от хохота. Лира, сидевшая рядом, с наслаждением уплетала гигантскую порцию жареного кальмара с острыми приправами.

— Ты им всякую чушь несешь, старик, — фыркнула она, но в ее глазах плескалось веселье. — Настоящий кракен сожрал бы тебя вместе с трубкой, даже не поперхнувшись.

— А ты с ними знакома? — подначил ее кто-то.

— Нет. Но я хоть знаю, как отличить выдумку от правды. В отличие от некоторых.

Элиас сидел чуть поодаль, уткнувшись в свой кубок с недопитым вином. Он смотрел на веселящуюся команду с тихой грустью.

— Эй, ученый! — крикнул ему Азариэль. — Хмуриться перед плаванием — дурная примета. Выпей с нами!

Элиас вздрогнул и попытался улыбнуться.

— Я... я просто думаю. Эти воды у границ с Орской Империей... они плохо нанесены на карты. Там могут быть течения, о которых мы не знаем. Подводные рифы...

— Вот именно! — перебил его Барак, хлопая ученого по спине так, что тот чуть не грохнулся лицом в стол. — Неизвестность! Вот что делает плавание интересным! А то что? Плавать по проторенным путям, как заезженная пластинка? Не для нас!

— Для нас — риск, — сказал Азариэль, поднимая свой кубок. — Но риск — это ведь и есть свобода. Выпьем за нее. За свободу выбирать свой путь, даже если он ведет в неизвестность.

— ЗА СВОБОДУ! — прогремел хор голосов.

В этот момент дверь таверны скрипнула, и на пороге появилась знакомая фигура. Это была Зори, кенеритка. Она стояла, робко озираясь, пока ее пепельно-серая кожа и светящиеся в полумраке глаза не привлекли внимание. Шум на мгновение стих.

Азариэль поднялся и жестом подозвал ее.

— Зори. Входи, не бойся.

Она подошла к их столу, и все увидели, что в руках она держит небольшой, грубо сработанный глиняный кулон в виде волны.

— Я... я хотела отблагодарить, — прошептала она, протягивая кулон Азариэлю. — Это... это нечто вроде нашего оберега. У моего народа есть поверье: тот, кто несет свет во тьму, никогда не собьется с пути. — Она посмотрела прямо на него. — Вы для нас были этим светом.

В таверне воцарилась тишина. Даже закаленные в боях моряки смотрели на эту хрупкую женщину с немым уважением.

Азариэль взял кулон. Он был грубым, но сделанным с большой теплотой.

— Спасибо, Зори. Мы возьмем его с собой. Он будет напоминать нам, за что мы сражаемся.

Когда кенеритка, поклонившись, вышла, Барак хмыкнул:

— Вот видишь, капитан. Не все твои поступки бесполезны.

— Я никогда в этом и не сомневался, старик.

Вечер тянулся. Пели песни — старые, как сам Нэкрос, о кораблях-призраках, о забытых сокровищах, о любви, оставшейся на берегу. Лира, к всеобщему удивлению, оказалась обладательницей красивого грудного голоса и затянула медвежью балладу своего народа — грустную и полную тоски по бескрайним лесам.

Элиас, разогретый вином и атмосферой, наконец разговорился. Он начал рассказывать о своих теориях, о звездах, о форме мира. И что удивительно — его слушали. Пусть не все понимали, но все чувствовали его страсть.

— Может, ты и прав, ученый, — сказал один из матросов, покачиваясь. — Может, мир и впрямь круглый. Лишь бы на том конце не оказалось еще каких-нибудь противных орков.

Ночь близилась к концу, когда Азариэль поднялся на ноги. Все смолкли, глядя на него.

— Завтра, — сказал он тихо, но так, что было слышно даже в самом дальнем углу, — мы уходим. Нас ждут чужие воды и, возможно, чужие берега. Но я хочу, чтобы вы знали: для меня нет чести выше, чем вести в бой такой экипаж. Мы — не просто команда. Мы — семья. И что бы ни ждало нас за горизонтом, мы встретим это вместе. Выпьем же за наш дом! За «Морскую Фурию»!

— ЗА «МОРСКУЮ ФУРИЮ»! — грянул дружный рев.

Один за другим матросы начали расходиться, чтобы успеть выспаться перед ранним подъемом. Вскоре за столом остались только Азариэль, Барак, Лира и Элиас.

— Ну что, капитан, — хрипло сказал Барак, затушив трубку. — Пора. Завтра нас ждет море.

— Да, — Азариэль посмотрел на опустевшую таверну, на догорающие свечи. — Нас ждет море. И кто знает, что оно нам принесет на этот раз.

Они вышли на пустынную улицу. Ночной воздух был прохладен и свеж. Где-то вдали шумел прибой, напоминая о бесконечном пути, который начинался всего через несколько часов.

Возвращаясь к своему кораблю, каждый из них думал о своем. О доме, который покидают. О друзьях, с которыми идут в бой. О неизвестности, что манила и пугала одновременно.

«Морская Фурия» тихо покачивалась у причала, ее очертания смутно угадывались в предрассветной мгле. Она ждала. Как и они все.

Глава 7: Воды, которых нет на карте

Недели в открытом море превратились в монотонный, но очищающий ритм — как биение огромного, солёного сердца, которое качало «Морскую Фурию» всё дальше на северо-восток. Знакомые воды остались за кормой, и теперь корабль входил в зону, где карты Элиаса пестрели белыми пятнами, рваными береговыми линиями и тревожными пометками «предположительно», «не проверено» и «опасность». Здесь даже цвет воды изменился: сапфировая синева уступила место тёмному, почти чернильному оттенку, в котором, казалось, таились древние тайны.

Дни текли один за другим, подчинённые железному распорядку, который не нарушала даже самая капризная погода. На рассвете, когда небо только начинало сереть, а первые лучи солнца золотили верхушки волн, команда поднималась по звуку горна — резкому, пронзительному сигналу, который Барак извлекал из старой раковины. Следовала проверка снастей и парусов: матросы, ещё сонные, но привычные к дисциплине, бегали по реям, проверяя узлы и крепления, стучали молотками по клиньям, натягивали шкоты. Затем — завтрак: густая, дымящаяся похлёбка из солонины и сушёных овощей, которую варили в огромном медном котле, и обязательные сухари, твёрдые, как доски, которые приходилось размачивать в воде, чтобы не сломать зубы.

День заполняла работа — бесконечная, кропотливая, необходимая. Вечный ремонт такелажа, когда матросы, сидя на выбленках, сплетали новые канаты или заделывали старые, напевая морские песни. Чистка оружия — ятаганы, кинжалы и мушкеты протирали до блеска промасленной ветошью, проверяли замки и курки, чтобы в нужный момент ничто не подвело. Тренировки, на которых Азариэль настаивал с фанатичным упорством. Вечером — ужин, более сытный, чем завтрак, и короткие часы отдыха под бесчисленными звёздами, которые здесь, вдали от берегов и городов, сияли с пугающей, ледяной яркостью, словно осколки битого стекла на чёрном бархате. Созвездия, знакомые с детства, казались чуть смещёнными, и Элиас каждый вечер подолгу смотрел на них, хмурясь и что-то записывая в свой журнал.

Азариэль использовал это время сполна, не позволяя себе и команде расслабиться. Он знал, что битва в море — дело не только грубой силы, но и безупречной слаженности, рефлексов, доведённых до автоматизма, и способности действовать как единый механизм даже в хаосе боя. Каждое утро, сразу после завтрака, он лично проводил учения артиллеристов, стоя на шканцах с песочными часами в руке.

— Быстрее! — его голос, усиленный привычкой командовать в шторм, резал утренний воздух, перекрывая даже шум волн. — Я хочу, чтобы залп гремел не через пять счетов, а через три! Три, я сказал! Представьте, что на вас несётся огромный огрский корабль, полный воинов, которые жаждут вашей крови, а не старая бочка с мусором, которую вы расстреливаете для развлечения! Работайте как даэтры, или вы умрёте!

Команда орудий работала как хорошо смазанный механизм — заряжающие вталкивали холостые картузы в жерла пушек, подносчики ядер занимали позиции, наводчики, припав к прорезям прицелов, ловили момент. Скрип талей, лязг металла, отрывистые команды — всё это сливалось в единый, яростный ритм. Порох «Скальной Селитры» был слишком дорог для холостых стрельб, поэтому вместо него использовали уменьшенные зарядки и заткнутые тряпьём стволы, но отработка была столь же напряжённой, будто от неё зависели жизни каждого на борту. Азариэль не позволял себе снисходительности: он знал, что секунда промедления в настоящем бою может стоить корабля.

Лира нашла своё истинное призвание в тренировке абордажных групп. На носовой части палубы, где было больше всего свободного пространства, она каждый день собирала вокруг себя матросов — от зеленых новичков до закалённых ветеранов — и превращала их в насто-

ящую ударную силу. Её голос, низкий и гортанный, разносился над водой как рык скального льва.

— Ты! — она ткнула пальцем в молодого парня, который держал абордажный топор с таким видом, будто это была хрупкая ваза. — Ты держишь оружие, как перину! Как будто собираешься взбивать подушки, а не рубить бошки! Огр не будет ждать, пока ты решишь, с какой стороны его ударить и какой стороной топора! Удар должен быть коротким, резким и точным! В шею, в подмышку, в пах, в коленную чашечку! Запомни: в бою нет благородства, есть только победа! А победа — это когда ты стоишь, а твой враг лежит и не дышит!

Она показывала приёмы с пугающей лёгкостью, используя свою нечеловеческую силу и медвежью грацию. Её топор, который весил больше, чем иной матрос, кружился в её лапах как игрушка, но каждый взмах был смертоносным и выверенным до миллиметра. Сначала матросы смотрели на неё с опаской, даже со страхом, но постепенно, видя, что она не просто свирепая воительница, но и терпеливый, знающий учитель, они проникались к ней уважением. К концу второй недели двое из них уже могли продержаться против неё целых три удара, и Лира одобрительно урчала, похлопывая их по спинам с такой силой, что те едва не падали за борт.

Элиас, тем временем, почти не покидал своей каюты — маленькой, заваленной свитками, картами и странными приборами, которые он собирал годами. Его рабочий стол, врытый в палубу, был заставлен чернильницами, песочными часами, медными астролябиями и подзорными трубами разной длины. Он вёл судовой журнал с фанатичной аккуратностью, записывая каждое изменение течения, каждую встреченную птицу, каждый перепад температуры воздуха и воды, каждую аномалию в поведении компаса, который иногда начинал дрожать, будто его преследовали призраки.

Как-то вечером, когда за бортом сгустилась лиловая тьма, а на небе зажглись первые звёзды, Элиас постучался в каюту Азариэля с таким выражением лица, что капитан сразу понял — учёный нашёл что-то важное и тревожное.

— Капитан, — сказал он, разворачивая перед Азариэлем свою карту, испещрённую мелким почерком и пунктирными линиями. — Здесь что-то не так. Течение, которое мы фиксировали последние три дня, должно идти на запад — согласно всем известным трактатам и моим собственным расчётам на основе предыдущих наблюдений. Но нас явственно сносит на восток. Это не ошибка, я проверял каждые четыре часа. И звёзды... — он указал на свои записи, — они сместились почти на полградуса от расчётного положения относительно времени суток. Полградуса — это огромная погрешность для открытого моря.

— Ошибка в приборах? — предположил Азариэль, нахмурившись и вглядываясь в чертёж. — Твои инструменты могли сбиться за время плавания.

— Я проверил все инструменты по три раза, — Элиас покачал головой, и его голос дрогнул. — Секстанты выверены, песочные часы абсолютно точны, астролябия откалибрована по солнцу в полдень. Они в полном порядке. Это... это что-то другое. Как будто сами законы мореплавания здесь иные. Как будто мы пересекли невидимую границу, за которой всё ведёт себя по-другому.

Барак, стоявший у входа в каюту с кружкой кислого эля, хмуро хмыкнул, сплюнул за борт и проворчал:

— Говорил я тебе, учёный, не стоит соваться в дела, в которых не разбираешься. Море всегда было и будет загадкой, даже для самых умных. Лучше помолись Раннальду, чтобы он послал нам попутный ветер и уберёг от мелководий, а не вороши то, что не нужно. Некоторые тайны существуют для того, чтобы их не трогали.

Но Элиас не унимался. Он вернулся в свою каюту и до глубокой ночи сидел при свете масляной лампы, пересчитывая координаты, сверяя старые карты с новыми наблюдениями. Его одолевало странное предчувствие — смесь научного любопытства и суеверного страха, от

которого по спине бегали мурашки. Ему казалось, что они движутся не просто по неизведанным водам, а по какой-то древней, забытой дороге, которая ведёт их не туда, куда они планировали.

Прошло три недели с момента выхода из Тамарин-Вара. Команда уже привыкла к новому ритму, к новым лицам, к постоянному напряжению, которое висело в воздухе, как предгрозовой заряд. И однажды утром, когда туман только начал рассеиваться, вахтенный на марсе вдруг вскрикнул так пронзительно, что даже чайки на мгновение смолкли:

— Дым на горизонте! По курсу, прямо по носу, два румба влево!

Азариэль и Барак взбежали на шканцы, не успев дожевать сухарь. Капитан мгновенно приставил к глазу подзорную трубу — ту самую, овнью, с латунными кольцами и полированным обсидианом. На горизонте, на фоне серого неба, виднелись несколько чёрных точек, похожих на муравьёв на белой скатерти, и над ними поднималась тонкая, но отчётливая струйка дыма — серая, маслянистая, с характерным для корабельных печей запахом, который ветер уже начинал доносить до них.

— Рыбаки? — предположил Азариэль, хотя в голосе его не было уверенности.

— Слишком далеко от берега для рыбаков, капитан, — покачал головой Барак, тоже вглядываясь в трубу. — Мы находимся минимум в двухстах милях от ближайшего клочка суши. Ни один рыбак не сунется так далеко без хорошей причины. И дым слишком густой — это не костры для варки улова. Это корабельные печи. Большие корабли.

— Орки? — спросил Азариэль, и его пальцы сжали рукоять ятагана.

— Не думаю, — Барак покачал головой, щурясь. — Их дымы мы знаем — чёрные, едкие, с примесью серы, потому что они жгут плохое масло и сырую древесину. Этот дым — светлее, с запахом... как будто они жгут что-то вроде смолы и сушёных водорослей. Это что-то другое.

Элиас, который в этот момент стоял рядом, бледный как полотно, подошёл ближе и дрожащим голосом произнёс:

— Капитан... я вчера закончил пересчёт нашего положения по звёздам и течениям. Если мои расчёты верны, а они верны, — добавил он с отчаянием, — то мы находимся на самом краю архипелага Клыков. Это владения огров-пиратов. Там, по всем легендам, находится Остров Огров. Мы вошли в их воды. Нечаянно, но вошли.

Воздух на палубе стал густым и напряжённым, как перед разрывом громады. Каждый матрос, слышавший эти слова, замер. Все знали, что встреча с оградами редко заканчивается миром — они не берут пленных, не ведут переговоров, не знают пощады. Для них любой чужой корабль — добыча, а любой человек — либо раб, либо мёртв.

— Боевая готовность! — скомандовал Азариэль без тени сомнения, и его голос прозвенел сталью. — Всем по местам! Артиллеристам — к «Громовержцам», абордажным группам — с оружием! Но без паники! Пусть сначала проявят свои намерения. Возможно, они просто проходят мимо. Хотя, — он усмехнулся горько, — я в это не верю.

«Морская Фурия» плавно, как хищная рыба, развернулась, подставляя левый борт врагу, где стояли самые мощные орудия. Пурпурные паруса напряглись, ловя ветер, и корабль увеличил ход, готовясь к манёвру. Команда заняла свои места с пугающей тишиной — ни лишнего слова, ни лишнего движения. Артиллеристы стояли у пушек, сжимая пальцы на запальных рычагах, абордажные группы — с ружьями наизготовку и ятаганами у пояса. Лира, стоя на носу, с наслаждением потянулась, разминая могучие плечи, и взяла в руки свой двуручный топор, который сверкнул на солнце, словно оскал.

Чёрные точки на горизонте росли с пугающей скоростью — они шли прямо на них, не делая попыток изменить курс. Сквозь подзорную трубу теперь можно было разглядеть их получше. Это были не обычные корабли, а настоящие плавучие крепости — неуклюжие, высокобортные, с массивными таранами на носу, украшенными вырезанными черепами и багровыми знамёнами. Их паруса, рваные и грубо сшитые из кусков разной ткани, были набиты

ветром, а на палубах копошились фигуры — огромные, коренастые, вооружённые тяжёлыми топорами и дубинами. Их было три. И все шли на перехват.

— Огры, — мрачно подтвердил Барак, опуская трубу. — Вижу их знамя — скрещённые крюки на чёрном поле, и под ними — красная капля. Это клан Кровавого Зуба. Худшие из худших. Они не берут пленных, не берут выкупа. Они убивают ради удовольствия.

Азариэль смотрел на приближающиеся корабли. Его лицо оставалось спокойным, как водная гладь в штиль, но в глазах горел тот самый знакомый огонь — холодный, расчётливый, который появлялся у него только перед самым опасным боем. Он медленно обвёл взглядом свою команду, задержался на Лире, на Бараке, на бледном, но решительном Элиасе, на каждом матросе, который смотрел на него с надеждой и верой.

— Ну что, друзья, — его голос прозвучал громко и чётко, перекрывая нарастающий гул ветра и волн. — Похоже, Совет по ошибке послал нас не на скучное патрулирование, где мы будем считать чаек и гнить от безделья, а на настоящую войну. Огры считают себя хозяевами этих вод. Давайте покажем этим зубастым ублюдкам, что значит связываться с «Морской Фурией» и её командой! Пусть запомнят этот день как день, когда они повстречали смерть!

По палубе пронёсся низкий, решительный гул — не крик, не вой, а именно гул, который рождается в груди сотни людей, готовых умереть и победить. Страх, который ещё минуту назад сковывал сердца, уступил место ярости и боевой готовности. Они были далеко от дома, в чужих водах, среди врагов, которые превосходили их числом и размерами. Но они были вместе. У них был их капитан, их корабль, их «Ик-Венн». И это было главное.

Первый корабль огров был уже так близко, что можно было разглядеть свирепые, искажённые боевым кличем рожи на его палубе, огромные, зазубренные тараны, покрытые царапинами и тёмными пятнами запёкшейся крови, и слышать гортанные, грубые крики, которые ветер доносил до них, как предвестник ада.

Танец стали и волны начинался. Азариэль сделал глубокий вдох, ощущая солёный воздух, смешанный с запахом пота, пороха и страха. Он поднял руку, готовясь дать первый приказ, и в этот миг, в этом бесконечном, тягучем мгновении перед схваткой, он почувствовал, что его жизнь — и жизни всех, кто стоял за его спиной, — только что переменились навсегда.

Глава 8: Кровавый прилив

Первый залп огров прозвучал как удар гигантского молота по наковальне самого мироздания — низкий, утробный грохот, от которого задрожали доски палубы, а в ушах зазвенело так, будто внутри черепа поселился целый рой разъярённых пчёл. Ядра, размером с пивную бочку, с воем пронеслись над палубой «Морской Фурии», срывая с мачт несколько лишних кусков снастей и оставляя за собой тяжёлый, маслянистый дымный шлейф. Они упали в каких-то двадцати ярдах по правому борту, подняв веер брызг высотой с трёхэтажный дом; вода вскипела, зашипела, словно раскалённое масло, но корабль остался невредим — лишь качнулся на образовавшейся волне, и Азариэль, вцепившись в штурвал, почувствовал, как его сердце на мгновение пропустило удар.

— Недолет! — крикнул Барак, не отрывая глаз от подзорной трубы. Его голос, хриплый и надтреснутый, перекрывал гул ветра и собственный звон в ушах. — Стреляют наугад, полагаются на массу залпа! У них нет нормальных прицелов — только грубая сила!

Азариэль стоял у штурвала, его пальцы крепко сжимали полированные рукояти из красного дерева, впиваясь в них до боли. Его разум работал с холодной, почти машинной скоростью, отсекая страх и панику, как плотник отсекает гнилые доски. Он оценивал дистанцию, скорость, оснастку вражеских кораблей, их манёвренные возможности, даже направление ветра и силу волны. Каждая деталь была важна, каждая секунда промедления могла стоить жизни.

— Они неуклюжи, — пробормотал он, скорее для себя, чем для окружающих, — как стадо бегемотов. Массивны, страшны, но медлительны. Их главное оружие — таран и абордаж, а не пушки. Бить по корпусам — всё равно что плевать в скалу: они этого даже не почувствуют. Артиллеристы! Цель — такелаж! Реи, паруса, канаты! Я хочу лишить их манёвренности, сделать их неповоротливыми, как выброшенных на берег китов! Левым бортом... пли!

Грохот нэкросских «Громовержцев» был иным — более высоким, хлёстким, почти мелодичным в своей смертоносной точности. Вместо хаотичного града ядер, который выпустили огры. В сторону головного огрского корабля, называвшегося «Костолом», устремилось шесть идеально нацеленных снарядов. Они неслись по расчётным траекториям, подчиняясь законам баллистики, которые Элиас вывел ещё в своей каюте за две недели до этого. Два ядра пробили навылет огромный грот-марсель, превратив его в лохмотья, которые тут же с треском разорвались на части, хлеща по мачтам и реям. Третье ядро перебило канат брам-реи — та издала пронзительный скрип, согнулась дугой и, рухнув на палубу, увлекла за собой обрывки паруса и тела нескольких огров, стоявших слишком близко. Оттуда донёсся взрыв ругани, криков и злобного рёва.

— Отлично! — Азариэль резко повернул штурвал вправо, наваливаясь всем телом. — Право на борт! Барабанный бой! Дать максимальный ход, выжать из этих парусов всё до последнего дыхания!

Барабанщик, сидевший у грот-мачты в специальном гнезде, чтобы не мешать, отбил бешеный ритм — дробь, от которой кровь стучала в висках в унисон. Гребцы на нижней палубе, хоть и невидимые, но чувствующие каждое движение корабля, вложили в вёсла всю свою накопленную ярость и отчаяние. «Морская Фурия», словно ускоряемая самим богом Раннальдом, рванула вперёд и вправо, описывая плавную, красивую дугу, которая выглядела как танец хищницы среди толстых и грузных быков.

Этот маневр спас их жизни. Второй корабль, «Глотка Бездны», флагман клана Кровавого Зуба, пытался зайти им в корму для смертельного продольного залпа. Его пушки, коротконстольные, но чудовищной мощности, уже были наведены, но нэкросский корабль уже был вне зоны досягаемости — ядра «Глотки» с глухим плеском упали в пустую воду ровно там, где

секунду назад гордо реял кормовой флаг «Морской Фурии». Вода вскипела вновь, но теперь — впустую.

— Видишь, Барак? — крикнул Азариэль, и в его голосе, несмотря на напряжение, прозвучало торжество. — Они сильны, но медленны. Их тактика — таран и абордаж, грубая сила и численность. Мы не дадим им этого.

— Пока не дадим, — мрачно поправил его старый штурман, указывая на третий корабль, который, пользуясь сумятицей, пытался обойти их с другого фланга, заходя со стороны кормы, где орудий было меньше всего. — Их трое, капитан, и они учатся. А мы одни, и нас всего лишь сотня. Огры не устают, а наши люди уже начинают выдыхаться.

— Значит, будем драться как три корабля, — парировал Азариэль без тени сомнения. — Как эскадра, как флотилия, как целый флот, если потребуется. В каждом из нас — сила Нэкроса. — Его взгляд скользнул по палубе, где Лира уже строила абордажные группы в боевые порядки, расставляя лучших стрелков с «Морскими Осами» на нижних реях и в марсах, откуда открывался идеальный обзор. — Элиас! Курс!

Учёный, бледный как мел, с трясущимися руками, но сжимающий свой секстант так, будто это был самый ценный артефакт в мире, выкрикнул расчёты, сверяясь с показаниями компаса и углом солнца:

— Ветер устойчивый, северо-западный, скорость около восьми узлов! Мы можем уйти на зюйд-ост, под ветер, и попытаться оторваться от «Глотки», но тогда второй перекроет нам путь к открытому морю!

— Нет, — решительно сказал Азариэль, и в его голосе зазвенела сталь окончательного решения. — Мы не побежим. Мы будем биться здесь и сейчас. Мы покажем им, что нэкросцы не отступают. Рулевой, лево руля на десять градусов! Ложимся на параллельный курс с «Глоткой», борт о борт! Артиллеристы, перезарядить орудия картечью — двойным зарядом! Готовимся к их попытке сблизиться, они сейчас пойдут на таран!

Он видел, как огромный флагман огров начал медленно, с лязгом и скрежетом, разворачиваться, подставляя свой левый борт, утыканный абордажными крючьями и мостиками. На его носовой фигуре, изображавшей разинутую пасть морского дракона, уже виднелись свежие щепки от попаданий. Капитан Гроггар Железная Глотка, должно быть, понял, что артиллерийская дуэль ему не выиграть — его пушки били реже и неточнее, — и решил положиться на старую добрую силу, на свои могучие лапы и на превосходство в живой силе.

— Они идут на сближение! — предупредил Барак, хмурясь. — Их матросы уже взялись за абордажные крюки. Сейчас попытаются забросать нас.

— Пусть попробуют, — ухмыльнулся Азариэль, и его улыбка была оскалом хищника, а не выражением радости. — Волнорезы! На реи! Капитанов и офицеров — в приоритете! Сначала те, кто отдаёт приказы. Обезглавить змею!

Легкие, почти невесомые фигуры элитных стрелков, одетых в тёмную, не бликующую одежду, бесшумно взбежали по вантам, как стая лесных кошек, и устроились на реях, занимая самые удобные позиции. Их длинные, изящные штуцеры «Морская Оса» с прицелами были направлены на палубу приближающегося чудовища. Они ждали, затаив дыхание, выбирая цели среди сотен мечущихся фигур.

«Глотка Бездны» была теперь настолько близко, что на палубе «Морской Фурии» можно было разглядеть отдельные лица огров — их бугристую, светло-бурую кожу, покрытую шрамами и боевыми татуировками, торчащие из нижней челюсти клыки, маленькие, но алчные и яростные глаза, сверкающие под нависшими надбровными дугами. От их корабля несло потом, кислым пивом и сырой шкурой — запах, который ветер доносил до нэкросцев, смешиваясь с пороховой гарью.

С борта огрского корабля полетели первые абордажные крючья на тяжёлых, ржавых цепях. Они вонзились в фальшборт «Фурии» с глухим, чавкающим стуком, и стальные зубья, впившись в дерево, зафиксировались.

— Орудия... пли! — скомандовал Азариэль, и его голос потонул в оглушительном грохоте.

Залп картечи в упор был сокрушительным — даже не залп, а удар гигантской метлы, сметающей всё на своём пути. Десятки, сотни мелких металлических шариков, закованных в свинцовую оболочку, вылетели из жерл «Громовержцев» с ураганной скоростью и впились в борт «Глотки» и в её палубу, выкашивая целые ряды огров, готовившихся к прыжку. Кровь брызнула в воздух, смешиваясь с дымом и щепками; несколько тел, изрешечённых картечью, перевалились через фальшборт и с глухими всплесками упали в воду. Одновременно с этим раздались одиночные, хлёсткие выстрелы «Морских Ос» с рей. Огр в богато украшенной кирасе, размахивавший двуручным топором — очевидно, один из капитанов или старших офицеров, — схватился за грудь, где внезапно расцвело алое пятно, и замертво рухнул навзничь. Ещё один, поднимавший тяжёлый абордажный мост, вдруг захрипел, схватившись за горло, в которое вошла свинцовая пуля, и осел, захлебываясь кровью.

Но огров было слишком много, и их численное превосходство было подавляющим. Их ярость, подогретая видом павших товарищей, лишь возросла до бешенства. С грохотом, от которого заложило уши даже бывалых моряков, ещё с десяток абордажных крючьев впились в фальшборт «Морской Фурии» с разных сторон. Железные зубья вгрызлись в дерево, и толстые, грубо сплетённые канаты натянулись, как струны гигантской арфы. «Глотка Бездны», весящая втрое больше, начала неумолимо притягивать к себе более лёгкий нэкросский корабль, и доски «Фурии» жалобно заскрипели под этим чудовищным давлением.

— Обрубить канаты! — закричал Азариэль, обнажая свой ятаган. — Топорами к борту! Не дайте им сцепиться!

Матросы, бросив орудия, схватили плотницкие топоры и бросились к борту, рубя канаты с отчаянной яростью. Некоторые канаты лопались, и крючья с лязгом падали обратно на палубу «Глотки», но другие держались крепко. Это была лишь часть плана — и огров, и его собственного. Азариэль видел, как с палубы вражеского флагмана на них смотрят десятки свирепых рож, искажённых криками и кровожадными оскалами. Он видел фигуру самого Гроггара — огромного огра, под два с половиной метра ростом, в латах, сваренных из обломков разных доспехов и покрытых засохшей кровью, с парой окровавленных секир, которые он держал с лёгкостью, будто это были деревянные ложки.

— Лира! Готовь людей! — крикнул Азариэль, не оборачиваясь. — Они хотят абордажа? Что ж, мы встретим их как дорогих гостей!

Лира ответила диким, первобытным медвежьим рыком, от которого мурашки побежали по спинам даже у своих. Она подняла свой двуручный топор над головой, и лезвие засверкало на солнце кровавым отблеском. Её глаза горели предвкушением бойни, и она слегка присела, готовясь к прыжку, как пружина.

Расстояние между кораблями сокращалось с каждым ударом сердца. Вот уже десять ярдов... семь... пять... Затем деревянные борта с оглушительным скрежетом, похожим на предсмертный вопль гигантского зверя, столкнулись. «Морская Фурия» содрогнулась от носа до кормы, как живое существо, получившее удар в грудь. Люди, не успевшие ухватиться, попадали на палубу; несколько матросов слетели с рей, но их подхватили внизу.

И в этот миг, над всем этим хаосом, над криками, грохотом, звоном стали и запахом крови, Азариэль услышал странный звук. Сначала он был едва различим, на самой грани слуха, — тонкая, вибрирующая нота, которую можно было принять за звон в ушах после канонады. Но затем он начал нарастать, становясь глубже, ниже, тяжелее, проникая в самую душу. Это был не вой ветра и не грохот битвы. Это был далёкий, низкочастотный гул, доносившийся

откуда-то с востока, из-за серой пелены облаков на горизонте. Гул, от которого застывала кровь в жилах, от которого волосы на руках вставали дыбом, а сердце начинало биться в странном, неестественном ритме. Он был похож на звук, издаваемый гигантской раковиной, или на голос древнего бога, пробуждающегося от сна.

Но осознать это было некогда. С борта «Глотки Бездны», с громовым рёвом, перекрывающим даже гул с востока, на палубу «Морской Фурии» обрушилась первая волна огров — десятки тел, вооружённых топорами, дубинами, алебардами и кривыми мечами. Они прыгали на доски «Фурии», как лавина, как оползень, как сама смерть, и первый из них, гигант в рогатом шлеме, замахнулся на Азариэля с диким, нечленораздельным воплем.

Танец стали и волны подошёл к своей кровавой кульминации. Абордаж начался. И где-то там, на востоке, гул продолжал звучать, набирая силу, словно невидимый барабан судьбы, отбивающий ритм приближающейся катастрофы. Но сейчас у капитана не было времени думать об этом. Была только схватка, только его ятаган, только его команда и враг, которого нужно было остановить любой ценой.

Глава 9: Разверзшиеся небеса

Ад сошел на палубу «Морской Фурии».

Первый огр, весом под три центнера, приземлился с грохотом, от которого задрожали доски. Его палица, утыканная ржавыми гвоздями, описала дугу, размазав в кровавое месиво молодого матроса, не успевшего отпрыгнуть. В следующее мгновение голова огра взорвалась от точного выстрела «Морской Осы» с реи.

Но их были десятки. Они прыгали с высокого борта «Глотки Бездны» как дикие звери, с ревом и воем. Воздух наполнился звоном стали, хрустом костей, дикими криками и запахом крови, пота и пороха.

Лира встретила их, как стихийное бедствие. Ее двуручный топор свистел в воздухе, описывая смертоносные круги. Она не рубила — она крушила. Огр в кожаной кирасе получил удар в грудь, и броня треснула вместе с ребрами. Другой, попытавшийся ударить ее сбоку, лишился руки по локоть. Ее медвежья ярость была страшнее любой свирепости огров. Она была воплощением неудержимой силы, и вокруг нее быстро образовалось кольцо из тел.

— Ко мне! Держать строй! — кричал Азариэль, его ятаган парировал удар зазубренного тесака. Он не пытался пересилить огров — он был быстрее. Его клинок скользнул по шее одного нападающего, затем вонзился подмышку другому, где не было доспехов. Он был как молния — быстрый, смертоносный и неуловимый.

Барак, стоя у грот-мачты, с двумя короткими абордажными топорами, координировал оборону.

— Второй отряд, на левый борт! Не дать им прорваться к штурвалу! Стрелки, продолжайте обстрел их палубы!

Элиас, прижавшись к дверям каюты, с ужасом наблюдал за бойней. В руке он сжимал маленький кинжал, который ему дал Барак, — жалкая защита против этих гигантов. Он видел, как матрос, с которым он вчера ужинал, умирал с перерезанным горлом. Видел, как Лира, вся в крови, отбрасывала очередное тело за борт. Его охватила волна тошноты и беспомощности. Он был ученым, его оружием были знания, но здесь они были бесполезны.

Внезапно на палубу с грохотом спустился сам Гроггар Железная Глотка. Он был на голову выше своих воинов, а его доспехи были сбиты из кусков металла, словно броня франкенштейна. В каждой руке он сжимал по огромной секире.

— Где капитан этой щепки? — проревел он, его голос был похож на скрежет валунов. — Я выпью из твоего черепа!

Его взгляд упал на Азариэля. Гроггар усмехнулся, обнажив кривые желтые клыки, и пошел на него, расшвыривая своих же воинов.

И в этот самый момент небо изменилось.

Сначала ветер, который дул с северо-запада, резко стих. Затем, словно по команде, он ударил с востока, холодный и влажный. Но это был не просто порыв. Это был неестественный ветер, который завывал не в такт колебаниям волн.

Все посмотрели на небо. И замерли.

Туда, где еще минуту назад было ясное голубое небо, надвинулась стена. Но это была не туча. Это была пульсирующая, фиолетово-черная масса, испещренная молниями цвета ядовитой зелени. Она двигалась слишком быстро, пожирая небо с непостижимой скоростью. Гул, который они слышали, превратился в оглушительный рев, в котором смешались вой миллиона голосов, скрежет металла и грохот рушащихся миров.

Море вокруг них пришло в бешенство. Волны поднимались не по ветру, а из самой глубины, крутясь в безумных водоворотах. Вода стала неестественно темной, почти черной, и от нее исходило зловещее фосфоресцирующее свечение.

— Что... что это? — прошептал кто-то из матросов, выпуская из рук оружие.

Бой замер. И огры, и нэкросцы в ужасе смотрели на надвигающийся апокалипсис. Даже Гроггар остановился, его свирепое лицо исказила первобытная растерянность.

— Это не шторм... — крикнул Элиас, его голос сорвался от страха. — Это... это разрыв! Разрыв в самой реальности!

Первая волна обрушилась на них. Это была не просто вода. Это была стена жидкой тьмы, тяжелая и холодная как лед. Она смыла за борт сражающихся, не разбирая, свой это или чужой. «Морская Фурия» и «Глотка Бездны» взмыли на гребень чудовищной волны, их мачты скрипели под невыносимой нагрузкой.

Абордажные канаты, натянутые как струны, лопнули с грохотом пушечных выстрелов. Два корабля, еще секунду назад сцепившиеся в смертельной схватке, были отброшены друг от друга как щепки.

— Все на палубу! Убрать паруса! Обвязаться! — завопил Азариэль, цепляясь за поручни. Его приказ потонул в реве стихии.

Небо почернело полностью. Зеленые молнии били не сверху вниз, а из воды в небо, и с каждой вспышкой воздух наполнялся запахом озона и горящего металла. Ветер выл на десятке разных тонов, словно насмехаясь над их жалкими попытками выжить.

«Морская Фурия» была слепа и беспомощна. Ее бросало, крутило и швыряло в кромешной тьме, прошиваемой лишь кошмарными вспышками адского света. Все, что они могли сделать — это цепляться за жизнь и надеяться, что их корабль, их дом, выдержит натиск этого безумия.

Капитан Азариэль аль-Марик, привязанный к штурвалу, смотрел в безумствующую тьму. Он видел, как в отдалении «Глотка Бездны», этот плавучий левиафан, взмыла на гребень волны высотой с утес, а затем исчезла в черной пучине.

Он не знал, что ждало их впереди. Но он знал одно: их война с ограми внезапно показалась ему детской ссорой по сравнению с тем, с чем они столкнулись сейчас. Это была не битва. Это был конец света.

Глава 10: Чужие берега

Время потеряло всякий смысл. Оно больше не измерялось песочными часами или сменой вахт — оно растянулось в бесконечную, пульсирующую агонию, где секунды длились как часы, а часы сжимались в одно мгновение чистого, ледяного ужаса. Мир сузился до трёх вещей: оглушительного, всепроникающего рёва, который, казалось, шёл не снаружи, а из самой глубины черепа; невыносимой качки, бросавшей корабль вверх и вниз, как щепку в водовороте; и леденящего душу страха, который скручивал внутренности тугим узлом и не давал сделать полный вдох. «Морская Фурия» была уже не кораблём, а скорлупкой в пасти разъярённого титана, который сжимал её своими невидимыми челюстями, с каждым мигом всё сильнее.

Азариэль, привязанный к штурвалу мокрым, скользким канатом, который впивался в грудь и плечи, делал лишь одно — пытался удерживать нос корабля против волн, против этого безумного ветра, который дул отовсюду сразу, словно сам океан взбесился. Это была инстинктивная, почти безнадёжная борьба, борьба не с врагом, а с самим мирозданием. Рулевые колёса вырывались из его рук с такой чудовищной силой, что дерево трещало, стонало, угрожая разлететься щепками в любую секунду. Пальцы Азариэля онемели, но он сжимал их с отчаянной волей, понимая, что если отпустит, то они погибли окончательно.

— Держись! — кричал он, но его голос тонул в хаосе, разбивался о стену ветра и воды, как слабый луч света против тьмы. Он не знал, слышит ли его кто-то, не знал, жив ли кто-то ещё за его спиной. Ему казалось, что он остался один в этом аду, прикованный к оси, вокруг которой вращался весь мир.

Барак, обмотавшись канатом у грот-мачты, которую уже начало сгибать под напором ветра, отдавал хриплые, срывающиеся команды, которые никто не мог выполнить. «Убрать паруса!» — но паруса были уже разорваны в клочья безумным ветром, и их обрывки хлестали по мачтам и реям, как плети. «Закрепить орудия!» — но несколько «Громовержцев» уже были сорваны с лафетов и с грохотом катались по залитой палубе, унося с собой жизни тех, кто не успел увернуться; их железные тела сминали деревянный настил, оставляя глубокие борозды и кровавые пятна. В воздухе стоял запах страха, пота, сырого дерева и чего-то металлического — будто сама стихия имела вкус и цвет.

Лира, прикованная цепью к основанию фок-мачты, рычала на шторм, как на живого врага. Её глаза горели диким, первобытным огнём, а из горла вырывался низкий, вибрирующий звук, который был страшнее любого ветра. Она пыталась руками оторвать сорвавшийся рей, который бился о борт и грозил проломить корпус, но даже её медвежья мощь была ничтожна против ярости стихии. Волна, чёрная как смола и холодная как сама смерть, накрыла её с головой, и на мгновение Азариэль, обернувшись, подумал, что потерял её навсегда. Но она вынырнула из пены, отплёвываясь солёной водой с привкусом серы, и продолжила свою бессмысленную, отчаянную борьбу — борьбу за жизнь, за корабль, за каждого, кто ещё держался.

Элиас лежал в углу каюты, дверь которой сорвало с петель ещё в начале шторма, прижав к груди свой драгоценный ящик с инструментами. Его трясло от холода и ужаса — не от трусости, нет, а от осознания того, что происходящее не укладывается ни в одну из его теорий, ни в одну из его карт. Он видел, как зелёные молнии бьют в воду, и вода в ответ закипала странным фиолетовым пламенем, которое горело на поверхности, не подчиняясь законам физики. Он видел, как в небе, сквозь разрывы в тучах, мелькали не звёзды, а какие-то искажённые, пульсирующие светила, которые двигались по траекториям, невозможным для обычных небесных тел. Его научный ум, привыкший к порядку и причинно-следственным связям, отказывался верить в происходящее. Это было не просто нарушение законов природы. Это было их отрицание, их насмешка. «Шепот Малакора», — пронеслось в его голове, и он содрогнулся. Это было его дыхание.

— Капитан! — закричал Барак, его голос был полон незнакомой Азариэлю паники — паники человека, который видел много штормов, но никогда не видел такого. — Рулевые... не слушаются! Корабль не реагирует! Мы не можем...

В этот момент «Морская Фурия» взмыла на гребень волны такой высоты, что на мгновение они увидели адский пейзаж вокруг: бушующее море, прошитое зелёными молниями, кипящее фиолетовыми всполохами, и вдали — такие же беспомощные корабли огров, один из которых переламывался пополам, как игрушка, унося в пучину десятки жизней. Волна была стеной, чёрной, маслянистой, и она нависла над ними, как рука гиганта, готовая раздавить их.

А потом началось падение. Нос корабля ушёл вниз, под углом, который казался вертикальным, и они понеслись в чёрную бездну между волн. Казалось, это падение в преисподнюю будет длиться вечно — секунды растянулись в бесконечность, и каждый миг Азариэль чувствовал, как его внутренности поднимаются к горлу, а сердце бьётся где-то в ушах. Он видел, как мимо него пролетают обломки, как вода заливает палубу, как кто-то из матросов срывается с креплений и исчезает в темноте.

Удар был чудовищным. Он прокатился по всему корпусу, от киля до клотика, и казалось, что сам мир содрогнулся.

Древесина корпуса затрещала и застонала, словно живое существо, в котором ломаются кости. «Морская Фурия» всей своей массой врезалась во что-то твёрдое — не в воду, а в грунт, в камни, в песок. Раздался оглушительный скрежет, ломались мачты, рвались канаты, лопались доски. Азариэля с такой силой рвануло вперёд, что лопнули крепления, удерживавшие его у штурвала, и его швырнуло через палубу, как тряпичную куклу. Он ударился головой о что-то твёрдое — возможно, о край люка или о пушку — и мир поглотила тьма, мягкая, тёплая, обволакивающая, полная тишины.

Тишина. Тишина была самой странной вещью во всём этом кошмаре.

После часов оглушительного рёва шторма, скрежета ломающегося дерева, воя безумного ветра и криков умирающих наступила абсолютная, гнетущая тишина. Она не была пустой — её нарушали лишь медленное, тяжкое поскрипывание израненного корпуса «Морской Фурии», приглушённый стон кого-то из раненых в трюме, да капли воды, падающие где-то в глубине, как отсчёт чужого, неведомого времени.

Азариэль очнулся от боли — пульсирующей, острой, которая сверлила висок и отдавала в затылок. Он лежал, прижавшись щекой к холодному, мокрому дереву шканцев, и чувствовал, как под ним качается — но не так, как на волнах, а мерно, тяжело, словно корабль лежал на боку и дышал в такт прибою. Медленно, превозмогая тошноту и головокружение, он приподнял голову.

Перед ним был берег. Но не тот, который он ожидал увидеть. Это не были белые скалы Тамарин-Вара, не жёлтые пески Шумерии, даже не серые утёсы Орских границ. Это была полоса бледно-рыжего, почти оранжевого песка, мелкого и нежного, который мягко хрустел под ногами, упирающаяся в стену зелени такой густоты и мощи, что дух захватывало. Гигантские деревья, похожие на сосны, но втрое толще и выше любой мачты, которую он когда-либо видел, вздымались к небу, увенчанные пушистыми шапками хвои, которые на ветру издавали тихий, шелестящий звон. Между их колонн темнели заросли древовидных папоротников с листьями размером с парус, и их резные силуэты казались какими-то доисторическими чудовищами, застывшими в ожидании.

И небо… небо было того же голубого цвета, что и дома, но солнце, висевшее уже высоко, казалось меньше, холоднее, и светило с каким-то медным, красноватым отливом, который придавал всему пейзажу оттенок древней, выцветшей меди. Воздух был прохладным, влажным и пахнул хвоей, прелой листвой и чем-то пряным, незнакомым — словно смесью корицы, мокрого камня и горелой древесины. Где-то вдалеке, в чаще, раздавался странный, переливчатый

звук — не птичий, не звериный, а какой-то иной, как будто сам лес издавал низкое, вибрирующее эхо.

— Барак? — хрипло позвал Азариэль, пытаясь встать. Его ноги подкосились, и он опёрся на обломок перебитого фальшборта.

— Здесь, капитан, — послышался знакомый хриплый голос справа. Старый штурман сидел, прислонившись к основанию обломанной бизань-мачты, и зажимал окровавленным платком глубокую рану на голове — кровь сочилась сквозь пальцы, но глаза уже обрели осмысленное выражение. Он смотрел на берег с немым изумлением, смешанным с привычной мрачной настороженностью. — Где, черт возьми, мы? Это не Нэкрос. Это даже не Шумерия. Я никогда не видел таких деревьев, таких песков, такого... света.

По палубе, похожей на поле после битвы, где обломки мачт, снастей и орудий были разбросаны в живописном хаосе, медленно поднимались другие члены команды. Кто-то стонал, кто-то пытался отыскать товарищей под завалами, кто-то просто сидел, уставившись в одну точку, и переваривал случившееся. Лира, вся в синяках и ссадинах, с глубокой царапиной на плече, из которой сочилась кровь, но, кажется, без серьёзных повреждений, уже вытаскивала из-под обломков молодого матроса, который был без сознания, но дышал. Она делала это с грубой, но действенной осторожностью, ворча что-то о хрупких человеческих костях. Элиас сидел, прижавшись к борту, и с ужасом смотрел на свой разбитый секстант, который лежал у него на коленях грудой бесполезных осколков меди и стекла, потом на небо, потом снова на прибор, как будто надеялся, что всё это — лишь кошмарный сон.

— Звезды… — бормотал он, тряся головой. — Я не могу… Я не могу сориентироваться. Это не те созвездия. Ни одного знакомого. Солнце — не на том месте, не на той высоте, не того цвета. Мы не просто сбились с курса. Мы… мы не там. Мы вообще не на нашей карте.

«Морская Фурия» лежала с сильным креном на левый борт, её нос глубоко врезался в рыжий песок, словно гигантский гарпун. Пурпурные паруса висели мокрыми, изорванными лохмотьями, местами оплавившимися от зелёных молний. Грот-мачта была сломана пополам, и её верхняя часть лежала на палубе, перекрывая доступ к носу. Бизань-мачта сорвана с креплений и висела за бортом на снастях, больно ударяясь о корпус при каждом движении воды. Корпус издавал жалобные стоны, скрипы и щелчки — но он был цел. Их дом выжил. Они выжили.

— Раненых вниз, к повару! — скомандовал Азариэль, найдя в себе силы подняться на ноги. Его голос, хриплый и сломанный, с металлическим привкусом крови на губах, всё ещё обладал силой приказа, и люди, услышав его, начали двигаться. — Остальные — осмотреть трюмы на предмет течи! Оценить ущерб! Барак, как дела с корпусом?

Штурман, кряхтя и чертыхаясь, поднялся и, пошатываясь, но держась молодцом, обошёл часть палубы, заглядывая за борт, щупая трещины и ссадины.

— Киль цел, капитан, — доложил он, вытирая пот со лба и пачкая его кровью. — Это настоящее чудо. Боги решили нас помиловать. Но рулевое… разбито вдребезги. Кормовые перья погнуты, румпель сломан. Мачты — дрова, только фок-мачта ещё кое-как держится, но тоже потрескалась. Такелаж порван. Чтобы поставить её снова на воду и хоть как-то управлять… нужны недели. Месяц, если повезёт и мы найдём подходящий лес.

Месяц. В незнакомом месте, под красноватым солнцем, на берегу, где каждый шорох мог оказаться смертью.

Лира, закончив с раненым, подошла к борту и глубоко вдохнула воздух. Её ноздри раздулись, она принюхивалась, как зверь, и на её морде отражалось сложное выражение.

— Лес. Большой лес. Огромный, — сказала она, и её голос был тише обычного. — Там есть звери. Я чую их запах. Другие, не такие, как дома. И ещё… я чую воду. Пресную, недалеко. И дым. Кто-то жжёт костры. Или это вулканы. Не могу понять.

В этот момент с берега донёсся звук. Не птичий щебет, не крик животного, а протяжный, мелодичный свист, повторившийся три раза, каждый раз чуть выше. Потом ещё один, в ответ, уже дальше в чаще, ниже и глубже.

Все на палубе замерли. Даже самые занятые работой матросы остановились. Звук был явно разумным — в нём была интонация, ритм, почти мелодия. И он не казался дружелюбным. В нём слышалась осторожность, предупреждение, а может быть — призыв к охоте.

Азариэль обменялся взглядом со своими офицерами. В глазах Барака читалась привычная мрачная решимость — он уже перебирал в голове варианты обороны. В глазах Элиаса — страх и жадное любопытство, которое боролось с инстинктом самосохранения. В глазах Лиры — готовность к бою, почти жажда, но сдерживаемая дисциплиной.

— Меняем планы, — тихо, но твёрдо сказал Азариэль, и его голос собрал все взгляды. — Первый приоритет — не ремонт. Мы не знаем, кто здесь живёт, и не знаем, вернётся ли шторм. Первый приоритет — оборона. Разгружаем всё, что можно: припасы, инструменты, оружие, порох. Создаём укреплённый лагерь на берегу, у корабля, чтобы нас не могли отрезать от воды. Лира, возьми пятерых лучших, осмотри периметр, но не углубляйся в лес больше чем на пятьсот шагов. Вернись через час. Элиас… — он посмотрел на учёного, который всё ещё сжимал обломки своего секстанта, — попробуй понять, где мы. Хотя бы примерно. Используй солнце, компас, любые ориентиры.

Они высадились на незнакомый берег. У них не было карт, не было надежды на скорое спасение, а вокруг простирался бескрайний, молчаливый лес, который уже дал знать о своём присутствии, о своих обитателях, о своей враждебности или, возможно, о своём равнодушии. Они были не просто потерпевшими кораблекрушение. Они были первыми людьми своего мира, ступившими на эту землю, на этот берег, под это чужое солнце. И первое правило первооткрывателей, которое Азариэль знал с детства, гласило: неизвестность редко бывает дружелюбной, и любопытство часто стоит жизни.

Он посмотрел на медное солнце, плывущее по чужому небу, и ему показалось, что оно слегка пульсирует, как живое сердце. Где-то там, за бескрайним океаном, был Нэкрос, Совет, интриги, наказание, Торгрим и его клан, сплетни и злоба. Теперь всё это казалось такими мелкими, далёкими, почти смешными проблемами — как детские ссоры в песочнице перед лицом океана. Здесь и сейчас начиналась новая история, новая глава, новая жизнь. И первая её страница пахла хвоей, кровью, влажной землёй и тревогой, которая сидела глубоко в груди, как заноза.

Азариэль глубоко вздохнул, ощущая на губах привкус чужих ветров, и начал отдавать приказы. Время безделья кончилось. Начиналось время выживания.

Глава 11: Рога и чешуя

Три дня они строили лагерь. Три дня напряжённого, изнурительного труда под странным красноватым солнцем, которое поднималось над горизонтом слишком рано и садилось слишком поздно, словно само время здесь текло иначе. Из обломков мачт, разбитых рей и растянутых парусов соорудили навесы, защищавшие от ночной росы и прохладного ветра, который дул со стороны леса, принося запахи хвои, прелой листвы и чего-то неуловимо чужого. Выгрузили бочки с водой и сухарями, сложили их в аккуратные пирамиды, прикрытые брезентом. «Громовержцы» сняли с лафетов и установили на импровизированные укрепления из песчаных мешков и обломков досок, развернув жерла в сторону тёмной стены зелени, которая с каждым днём казалась всё более угрожающей. Азариэль лично проверил каждое орудие, каждое ядро, каждую запальную трубку. Он знал: если что-то пойдёт не так, у них будет один шанс, один залп, чтобы отбросить врага.

Каждый вечер Лира и её следопыты возвращались с тревожными вестями, которые заставляли сердца сжиматься от мрачного предчувствия. Вокруг лагеря, на влажной рыжей почве, видели следы — чёткие, глубокие, вдавленные с такой силой, будто по земле прошли слоны. Но это были не звериные следы. Они были двуногими. Трёхпалыми, с широкой пяткой и длинными, загнутыми когтями, которые оставляли характерные царапины. Следы шли кругами, петляли, иногда замирали на одном месте, словно наблюдатели стояли и смотрели на лагерь часами, не двигаясь, не дыша. За ними наблюдали. Они знали об этом. Но кто именно наблюдал — оставалось загадкой, которая грызла душу хуже голода.

На четвёртый день наблюдатели пришли сами. И мир перевернулся.

Сначала это была лишь тишина — неестественная, гнетущая, нависшая над лесом, как тяжёлое одеяло. Даже птицы, которые до этого щебетали на все голоса, внезапно смолкли, и тишина стала звенящей, почти осязаемой. Азариэль, стоявший на импровизированной баррикаде из ящиков с сухарями, почувствовал, как волосы на его руках встали дыбом — древний, животный инстинкт, который предупреждал о приближении хищника. Он сжал рукоять ятагана, его пальцы побелели от напряжения.

Потом из-за гигантских стволов, словно из самой зелени, из поросших мхом и лишайником колонн, начали выступать фигуры. Они не спешили, не прятались. Они шли с достоинством существ, которые знают, что они здесь хозяева.

Их было около тридцати. И они не были похожи ни на что, что команда «Морской Фурии» видела за всю свою жизнь в Нэкросе, в Золомаре или Вейльгарде. Это был не просто другой народ. Это была другая ветвь эволюции, другой путь, по которому пошла жизнь в этом мире.

Впереди, как таран, шли четверо исполинов. Ростом под два с половиной метра, с телами, словно высеченными из бугристой, серо-зелёной скалы, покрытой толстой, морщинистой кожей, напоминающей кору древнего дуба. Их короткие, невероятно мощные лапы заканчивались тремя когтистыми пальцами, способными, казалось, разорвать стальную пластину, как бумагу. Головы были огромными, почти квадратными, с массивными, крокодильими челюстями, из которых торчали ряды жёлтых конических зубов, влажно поблёскивающих в солнечном свете. Глаза — маленькие, запавшие, цвета мутного янтаря — смотрели на лагерь с холодной, животной тупостью, в которой не было ни злобы, ни любопытства, только чистое, первобытное внимание хищника, выбирающего добычу. Они несли дубины из цельных стволов деревьев, такие толстые, что потребовалось бы двое человек, чтобы просто поднять одну, и огромные щиты, сплетённые из ветвей и натянутых шкур, пробить которые даже пулей «Морской Осы» было бы непросто. Карр-Скоры. Живые тараны. Ходячие крепости.

За ними, составляя основную массу отряда, двигались другие. Ростом с высокого человека, но куда более стройные и поджарые, с длинными, мускулистыми конечностями, кото-

рые выдавали отличную координацию и прыгучесть. Их кожа была гладкой, с переливчатым оттенком от оливково-зелёного до землисто-коричневого, и на ней, словно на старой карте, виднелись бледные, почти незаметные узоры. Но самым поразительным были их головы. Череп венчал мощный костяной воротник, который, подобно щиту, защищал шею и плечи, а с носа, словно грозное оружие, росли три острых рога: два над бровями и один на переносице, как у древних чудовищ с гобеленов, которые Элиас коллекционировал в своей каюте. Эти рога были не просто украшением — они были орудием, способным нанести глубокую, рваную рану. Движения Зулу-Таров были не грубыми, а точными, экономными, почти грациозными. В руках они держали длинные копья с наконечниками из чёрного обсидиана, остро отполированного до бритвенной остроты, и странные, изогнутые палицы, украшенные резьбой. Их глаза, с вертикальными, как у рептилий, зрачками, были полны не злобы, но холодной, оценивающей сосредоточенности. Зулу-Тары. Хребет племени. Воины, рождённые для боя.

И между ними, словно живые тени, бесшумно и быстро сновали третьи. Небольшие, не выше подростка, с длинными гибкими хвостами, которые помогали им сохранять равновесие при быстрых движениях, и узкими, вытянутыми мордами, похожими на игуан. Их чешуя была ярче — лимонно-жёлтой, бирюзовой, даже алой, и на ней были нанесены сложные белые символы, которые при каждом движении переливались и меняли форму, словно живые. Они не несли тяжёлого оружия, лишь короткие дротики с отравленными наконечниками и кинжалы из того же чёрного обсидиана, вправленные в костяные рукояти. Но в их быстрых, умных глазах, постоянно бегающих по лагерю, по лицам нэкросцев, по их орудиям, по странным механизмам, читался острый, хищный интеллект. Сик-Лики. Глаза и уши племени. Разведчики, дипломаты, возможно, шаманы.

Никто из команды «Морской Фурии» не произнёс ни звука. Даже самые бывалые ветераны, повидавшие огров, орков и пиратов всех мастей, замерли, сжимая оружие. Они видели гоблинов, троллей, даже огров-великанов. Но это… это было иное. Это не была просто другая раса, враждебная или дружественная. Это был совершенно другой мир, другой путь эволюции, воплощённый в плоти и костях, в рогах и чешуе, в костяных воротниках и трёхпалых ногах.

Один из Зулу-Таров, с особенно сложным узором на костяном воротнике — иероглифы, вырезанные с ювелирной точностью, — сделал шаг вперёд. Он был выше остальных, его рога были длиннее, а глаза — холоднее. Он не кричал, не угрожал. Он издал гортанный, щёлкающий звук, похожий на удар камня о камень — резкий, командный, не терпящий возражений. Затем медленно, демонстративно, поднял своё копье, остриём к земле, и ткнул им в песок перед собой, оставляя глубокую чёткую линию. Жест был одновременно и угрозой, и вопросом. Он говорил: «Переступите — и будет война».

— Они ждут ответа, — прошептал Элиас, стоя за спиной Азариэля. Его лицо было бледным как полотно, но в глазах горел огонь исследователя, тот самый огонь, который заглушал страх и заставлял его забывать об опасности во имя нового знания. — Капитан… я никогда не видел ничего подобного. Это не орки, не огры. Их анатомия, их оружие, их язык… это всё совершенно иное.

Азариэль колебался. Его разум работал с лихорадочной скоростью, перебирая варианты. Сражаться? С тридцатью такими воинами, имея за спиной два десятка измотанных, частью раненых людей, с орудиями, которые можно было использовать лишь один раз, а потом перезаряжать целую минуту? Даже их пушки вряд ли остановили бы этих крокодилообразных исполинов до того, как те сомнут баррикады и разорвут их на части. Бежать? Но куда? Лес был непроходим, море было пустым, а их корабль лежал мёртвым грузом на песке.

Он вспомнил кредо «Ик-Венн», которое он впитал с молоком матери: гибкость, как вода. Сила — в выживании. Сила — в умении адаптироваться, уступать, чтобы потом нанести удар. Он смотрел в жёлтые глаза Зулу-Тара и понимал: сейчас решается не только судьба его

команды, но и судьба первого контакта между двумя мирами. Одно неверное движение — и всё закончится кровью.

Медленно, чтобы не спровоцировать резкого движения, он поднял свою свободную руку, показывая открытую ладонь — универсальный жест мира, понятный даже тем, кто говорит на разных языках. Затем, с достоинством, которое он сохранял даже перед лицом смерти, он опустил свой ятаган на песок перед собой. Лезвие блеснуло в медном свете, и он отступил на шаг, демонстрируя, что не собирается нападать.

— Всем! — его голос прозвучал громко и чётко в звенящей тишине, и в нём не было страха, только стальная решимость. — Сложить оружие. Не сопротивляться. Это приказ.

По лицу Барака пробежала судорога протеста. Старый штурман сжал свой абордажный топор так, что побелели костяшки, и его глаза метали молнии. Но он видел, что капитан не шутит, видел, что это единственный шанс. Скрипнув зубами, он с глухим стуком швырнул топор на песок, отвернулся и сплюнул в сторону леса, выражая всё своё презрение к ситуации.

За ним, один за другим, с глухим лязгом на песок падали клинки, топоры, мушкеты. Кто-то делал это с облегчением, кто-то — с яростью, кто-то — с мрачной покорностью. Молодой матрос, который держал свой первый в жизни ятаган, чуть не заплакал, разжимая пальцы. Но все подчинились.

Лиру пришлось держать взглядом. Она стояла, как скала, сжимая свой двуручный топор, и смотрела на ближайшего Карр-Скора с таким выражением, будто уже измеряла расстояние для прыжка. Её шерсть встала дыбом, из горла вырывался низкий, угрожающий рык, от которого у людей мурашки бежали по коже. Азариэль встретился с ней глазами и медленно, но твёрдо покачал головой. Он видел, как её челюсти сжались до скрежета, но в конце концов она, с яростным рыком, с силой воткнула свой топор в землю, так что рукоять задрожала, и отошла, сложив могучие руки на груди, выражая всё своё презрение и недовольство.

Сик-Лики мгновенно ринулись вперёд. Они двигались с пугающей скоростью, как стайка ящериц, перебегая от одного пленника к другому. Их движения были профессиональными и безжалостными — они знали, что искать, куда заглянуть, где спрятано оружие. Всё металлическое — пряжки, ножи, застёжки, инструменты, даже медные пуговицы — летело в грубые сумки из кожи, сшитой грубыми сухожилиями. Они работали молча, лишь изредка обмениваясь щёлкающими звуками, похожими на шипение. Один из них, самый маленький, с бирюзовой чешуёй, подскочил к Азариэлю и проворными пальцами обшарил его карманы, вытащив серебряную монету и кремень. Капитан не двинулся, лишь смотрел прямо перед собой, не давая им повода для агрессии.

Элиаса обыскали с особой тщательностью. Его сумка с инструментами и свитками была вытряхнута на песок, и Сик-Лики, склонив свои узкие головы, перебирали каждую палочку для письма, каждый угольный карандаш, каждый пергамент с нанесёнными на него звёздными картами. Когда один из них нашёл сломанный секстант, с медной рамкой и разбитым стеклом, он издал короткий, шипящий звук — явно выражающий любопытство и удивление. Он повертел прибор в руках, поднёс к своим жёлтым глазам, понюхал, даже лизнул край металла, а затем, с почтением, положил в свою сумку отдельно от остальной добычи. Элиас, наблюдая за этим, почувствовал странную смесь ужаса и гордости: его инструмент, его детище, заинтересовал этих существ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.